

Дарья Донцова

Мыльная
сказка
Шахерезады

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Дарья Донцова
Мыльная сказка Шахерезады
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 41

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625805
Мыльная сказка Шахерезады: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49294-7

Аннотация

Даша Васильева продолжает делать карьеру телеведущей и уже ничему не удивляется, зная – на телевидении встречаются те еще персонажи! Коллега обратилась к Даше с безумной просьбой – на время съемок в сериале поселить в своем особняке знаменитого актера Вадима Полканова. Сердобольная Даша не смогла отказать, и ее дом мигом превратился в балаган. Одним прекрасным утром на пороге нарисовалась милая девочка Катя – неизвестная дочка Полканова! Вадим быстро охладил ее пыл, заявив, что вообще не может иметь детей. А вечером перепуганная Катя позвонила Даше: ее мама призналась в обмане, пообещала поговорить с настоящим отцом и... пропала! Любительница частного сыска не бросит девочку на произвол судьбы, пусть даже по ходу расследования ей придется сниматься в сериале вместе с Полкановым в роли... собаки!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	86
Глава 9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дарья Донцова

Мыльная сказка

Шахерезады

Глава 1

Мальчики делаются невероятно капризными после того, как им исполнится сорок лет.

– Убили! – истошно заорали со второго этажа. – Катастрофа! Боже! Это невозможно пережить!

Я открыла хлебницу и увидела подсохший батон. Нет причин сегодня беспокоиться, Вадим опять учит новую роль. А вот позавчера, когда он влетел в гостиную со словами: «Труп у окна не шевелится, он мертвый», я оторопела, потом бросилась в холл, добежала до лестницы, пришла в себя, повернулась к Вадиму и спросила:

– Где тело?

Вадик, шедший за мной, закатил глаза, схватился за сердце и прошептал:

– В оранжерее, между кадками с бонсаями.

Я бросилась вверх по лестнице, но на площадке между первым и вторым этажом у меня неожиданно заработали мозги. Я остановилась, перегнулась через перила и сказала

Вадику, который стоял внизу у комода:

– Эй, ты ничего не перепутал? Когда-то в нашем доме был оборудован зимний сад, но кошка Клеопатра повадилась писать в кадки с пальмами. Поэтому его превратили в обычную комнату. И кого могли убить в Ложкине? В особняке сейчас живем ты, я, Елизавета и Лика. Правда, я бы с удовольствием придушила последнюю, но, боюсь, мне не справиться со стокилограммовой девушкой. Потому-то она по сию пору живехонька. И ни одного бонса в доме нет, их тут и не было никогда. Так где мертвец?

Вадим небрежно махнул рукой.

– Расслабься. Я учу роль для нового сериала, проверяю интонацию. Ну и как?

– Потрясающе, – вздохнула я и отправилась назад, к недопитому чаю.

– Не обманываешь? – с подозрением спросил Вадим. – Творческому человеку надо знать правду!

– Великолепно! – с жаром воскликнула я.

За время общения с Полкановым я успела понять: вот правду-то ему ни под каким соусом сообщать не стоит, он ее слышать не желает. Когда Вадюша, заламывая руки, с придыханием просит:

– Дорогие, умоляю, скажите свое мнение о моем творчестве, – это означает лишь одно: господин Полканов хочет услышать оду его редкостной гениальности. Будьте осторожны, если станете петь ему осанну. На заре нашего знакомства

я решила польстить Вадиму и сказала:

– Ты изумительно сыграл в сериале «Из ниоткуда в никуда»! Переплюнул Михаила Безногова, он на твоём фоне померк.

Вадим опустил уголки рта, выпучил глаза и протянул:

– Я переплюнул Безногова? Ты нас сравниваешь? Ангела со свиньей? У Мишки тесть олигарх, он ему роли покупает! У него ни микрона таланта! Поставить нас рядом – это оскорбление в мой адрес, меня обожают миллиарды зрителей.

Я поняла, что совершила оплошность, и попыталась ее исправить:

– Разве я сказала Безногов? Тебе послышалось. Я имела в виду Бреда Питта.

– Этот бездарь? – подпрыгнул собеседник.

Следующие полчаса он произносил спич на тему: «Кто на свете всех умнее, всех румяней и белее?» Угадайте правильный ответ! Ну, конечно же, светлоликий Вадим Полканов.

И теперь я, наученная горьким опытом, нахваливаю красавчика, не пытаюсь сравнивать его ни с кем, и уже не вздрагиваю, когда он вопит: «Ужас! Все сюда, я истекаю кровью, мне отрезали голову!»

До меня долетел характерный аромат горелого, и я услышала тихий шепоток:

– Черт! Опять сбежал!

Я повернулась к плите, увидела домработницу Лику, кото-

рая с самым несчастным видом обозревала эмалированный ковшик, покрытый темно-коричневыми пятнами, и спросила:

– Что ты делаешь?

– Кофе варю, – плаксиво протянула она. – Вадим Сергеевич попросили! Я так старалась! Заварочки от души положила, сахарку добавила, ложкой разболтала, огонек малюпусенький сделала, чтоб хорошо распарился, отвернулась на секундочку, а оно! Дрянь! Сбежало! Почему бы вам специальную египтянку не купить? Ладно, сама допью что осталось, на полчашки хватит.

Я посмотрела в простодушное лицо Лики, ее по-детски ясные серо-голубые глаза, мысленно досчитала до десяти и почти нежно спросила:

– Зачем нам египтянка?

Лица заморгала.

– Кофе варить!

Я показала на блестящий агрегат возле электрочайника.

– Анжелика, в доме есть специальная машинка. Неужели ты забыла? Я тебе подробно объяснила, как ею пользоваться. Засыпаешь зерна в контейнер, наливаешь воду, нажимаешь кнопку и подставляй чашку под струю. Нет нужды привозить из Египта даму, которая займется варкой эспresso.

Лица, приоткрыв рот, с изумлением уставилась на чудо технической мысли. Я села на табуретку и попыталась провести сеанс аутотренинга.

Дашенька, спокойно, Анжелика девушка из далекого глухого села Муравка. Она не знакома с современными бытовыми приборами, в ее родном доме нет ни воды, ни магистрального газа. К услугам жителей есть колодец и машина, которая раз в месяц привозит красные баллоны с пропаном. Вернее, обязана привозить, но у дышащего на ладан автомобиля куча приобретенных от старости недугов, и он приезжает значительно реже, поэтому очень часто горелки на плитах муравчан не работают, и тогда местные хозяйки пользуются керосинками да примусами. Мне кажется забавным, что Лика не способна запомнить, на какую кнопку надо нажать, чтобы получить ароматный напиток. Представляю, как она захохочет, если я очутюсь в Муравке! Я там натурально умру от голода и жажды, не смогу добыть воды из колодца и не зажгу керосинку даже под страхом смертной казни.

– Бабушка говорила, что нас погубит электричество, – авторитетно заявила Лика. – Как только люди придумали мотор, человечество стало вымирать. Баба Ната была умнее всех, к ней даже из города лечиться ездили. Ну ее, машинку, я на плитке кофеек стоношу, но нужна удобная кастрюлька, египтянка!

– Турка! – осенило меня.

– Во! – засмеялась Лика. – Перепутала. Помню, что она по стране называется, а по какой, забыла!

– Телефон звонит! – закричал Вадим. – Немедленно ответьте!

Я покосилась на трубку на столе и в очередной раз не отреагировала на вопль Полканова.

Наверное, теперь пора объяснить, что происходит в Ложкине и откуда тут появились Лика с Вадимом. Я уже рассказывала, что Аркадий, Зайка и Маша перебрались в наш дом в пригороде Парижа. Собаки и кошки тоже улетели в страну трех мушкетеров. Домработница Ирка и садовник Иван нынче зубрят «басурманский» язык. Изредка Ирка звонит мне и шепчет:

– Дарь Ванна, я в «Монопри»¹, че такое «паин»?

Я теряюсь, но потом соображаю, что Ирка видит ценник со словом «rain», и быстро отвечаю:

– Хлеб.

– Мерси вам боку, – демонстрирует успехи во французском Ирка и отсоединяется.

Не скрою, сначала, когда большая часть семьи укатила из Ложкина, а Дегтярев перебрался жить к своему сыну Теме, то есть хоть и остался рядом со мной в одном поселке, но поселился в другом доме, я обрадовалась. Теперь никто не запрещал мне курить в гостиной, не устраивал шумных вечеринок, не расшвыривал повсюду вещи, не требовал к себе исключительного внимания. Целую неделю я наслаждалась тишиной и спокойствием, ела на завтрак пирожные, на ужин бутерброды с колбасой, смотрела любимые сериалы. Но потом мне стало скучно, и в голову пришла идея... Не стану

¹ «Монопри» – сеть парижских супермаркетов.

описывать свои приключения, скажу лишь, что сейчас я на телевидении веду шоу «Истории Айболита»². Проект некоторое время продержался в эфире, потом по не зависящим от меня причинам тихо умер. Теперь готовится новая программа с рабочим названием «Тяжелая ситуация». Ее идея проста, как веник. В студию приходит человек, у которого есть неразрешимая проблема. Вернее, это ему задача кажется неразрешимой, а для телевидения она – просто тьфу, и мы живенько с ней расправимся: отремонтируем квартиру, найдем жену-мужа, вылечим от любой напасти, помирим с родственниками, найдем потерянных животных, устроим на хорошую работу. Ведущая шоу, то бишь я, – этакая помесь волшебной палочки, золотой рыбки и лампы Аладдина. Когда мне озвучили идею программы, я робко сказала:

– Вам не кажется, что она похожа на салат, в котором соединили фрагменты «Модного приговора», «Пусть говорят», «Жди меня» и прочих рейтинговых проектов Первого канала?

В кабинете повисло нехорошее молчание, а затем Кирилл Тетерев, генеральный продюсер, возразил:

– Конечно, нет! Наш канал кабельный, но это не значит, что мы не способны на креативные идеи. Ты, Дашенька, просто не въехала в суть. Что делают на «Модном приговоре»? Просто переодевают людей. Разные герои, но действие од-

² Об этом рассказано в книге Дарьи Донцовой «Тормоза для блудного мужа», издательство «Эксмо».

но, изо дня в день только смена нарядов. А у нас калейдоскоп оригинальных идей, мы планируем выходить только по субботам в девять вечера, оттянем всю аудиторию у Первого канала. Вот план на август. Значитца, так. Первый выпуск: ищем потерянных родственников, второй – меняем внешность героини, третий – готовим вкусную еду, четвертый – подберем по прессе, какое-нибудь событие непременно взволнует страну, ну, допустим, кто-то из звезд подерется в ресторане с официантом, мы это обсудим. Есть возражения?

Я опустила глаза и сделала вид, что не слышу вопроса. В особенности мне понравилась идея «оттянуть аудиторию у Первого» в субботу в двадцать один ноль-ноль. Народ ринется смотреть программу «Время», а тут наш канал со своей передачей. Мы непременно забьем главные новости страны, я совершенно в этом не сомневаюсь.

– Ну и отлично, – продолжил продюсер, – съемки начнем в июне, как раз к августу успеем. Сейчас май, все свободны. Гуляйте, отдыхайте, а потом за работу. Дашенька, не уезжай далеко, у нас полным ходом идет подбор героев, тебе надо будет с ними пообщаться. Мнение ведущей очень важно.

– Конечно, Кирюша, – смиренно ответила я. – И не собиралась покидать столицу.

Не успела я выйти в коридор, как ко мне подбежала заведующая отделом сериалов Майя Мирская и затараторила:

– Дашунь, ты правда никуда не намылилась?

– Да нет, только что вернулась из Парижа, в следующий раз хотела туда через две недели лететь. Но ты же слышала, мне придется остаться в Москве, беседовать с предполагаемыми героями.

– Спаси меня! – зашептала Майя. – Умоляю! Хочешь, на колени встану!

– Лучше не надо, – испугалась я. – Пол грязный, испачкаешься или порвешь колготки. Что тебе нужно?

Честно говоря, я ожидала услышать фразу: «Дай денег в долг», но Майка неожиданно спросила:

– Если я ничего не путаю, ты живешь в Ложкине? Видела пару месяцев назад подробный фоторепортаж из твоего особняка в журнале «День с ТВ». Красивый интерьер.

Я смутилась.

– Совершенно обычное помещение, никаких сверхоригинальных дизайнерских находок, мы не приглашали декораторов, обошлись собственными силами. Я не очень-то горела желанием пускать в особняк журналистов, но главный пиарщик нашего канала сказал: «Ты теперь ведущая, поэтому должна себя показать». Вот и пришлось согласиться на съемку.

Майя обняла меня за плечи.

– Дашунь, может, ты уедешь оттуда, а? Ненадолго!

За короткое время работы на телевидении я хорошо усвоила: нормальных людей здесь нет. Человек со здоровой психикой никогда не сможет работать в телецентре, а вот если

сойдет с ума, то останется тут навсегда.

– Всего-то до осени, – кудахтала Мирская. – Май, июнь, июль, август... ну, сентябрь-октябрь до кучи.

– Зачем мне покидать свое уютное гнездышко? – осторожно спросила я, на всякий случай отступая от Майки на пару шагов.

Иногда психи из стадии тихого помешательства незаметно переходят в буйную. Кто знает, может, у Мирской весеннее обострение?

Майка затрясла головой.

– Ты знаешь Вадима Полканова?

– Нет, – ответила я.

Мирская закатила глаза.

– Ну надо же! Нашлась баба, которая не слышала про Вадика! Сериалы «Свой», «Чужой», «Наш», «Враг», «Друг» и еще куча проектов. Главный герой, благородный красавец...

– А-а-а, – протянула я, – двухметровый мачо, который может одной левой побороть тигра? Джентльмен, храбрец и умница? Читала его интервью в газетах, очень приятный парень и, похоже, невероятный смельчак, сам выполняет все трюки.

На лице Майки появилось выражение счастья.

– Вадик тебе нравится?

– Да, – кивнула я.

Мирская кинулась мне на шею.

– Дашка! Выручай! Ему нужен твой дом! Отдай, пожалуйста!

От неожиданности у меня вырвался вопрос:

– Навсегда?

– На лето! – заявила Мирская. – Ну, еще май и, вероятно, осень. Ты можешь пока в Париже пожить!

– Нет, – растерянно ответила я. – Меня просили не покидать Москву, мы готовим новое шоу.

– Ладно, – не стала спорить Майя. – Наверняка у тебя много друзей, у них погостишь, они только рады будут.

Следовало повертеть пальцем у виска и уйти, но я была ошарашена странной просьбой, поэтому сказала:

– Наверяд ли. Со мной живут ворон Гектор, собака Афина и кот Фолодя. С таким табором нечего рассчитывать на чье-то гостеприимство.

– Канал может заплатить тебе за аренду дома, – не успокаивалась Мирская. – Много не дадут, у нас вечно бабла нет. Но, думаю, тысячу евро я для тебя из бухгалтерии выдавлю.

– Спасибо, Маечка, – сказала я, – но пока у нашей семьи с финансами порядок, мне не надо сдавать особняк.

Однако Мирская мертвой хваткой держала меня за рукав.

– Дашута, пошли в кафе за мой счет.

Я попыталась выкрутиться из цепких пальцев заведующей отделом сериалов.

– Огромное спасибо, но меня ждет приятель, у нас встреча в ресторане. Давай отложим беседу.

Майя всхлипнула.

– Хочешь, чтобы меня вытурили с работы?

– Конечно, нет, – заверила я.

– Тогда идем в «Телегурман», – простонала Мирская. –

Моя судьба в твоих руках.

Что мне оставалось делать? Я направилась к лифту.

Глава 2

Едва мы сели на продавленные стулья, как Майя затрещала сорокой:

– Мне сорок девять лет! Это ужасно!

Я попыталась приободрить ее:

– Замечательный возраст, проблемы молодости позади, можно наслаждаться жизнью.

– Точно! – сердито воскликнула Майя. – Глобальные проблемы убежали вместе с молодостью, пришла старость с ерундовыми заморочками.

– О чем речь? – улыбнулась я. – Ты в самом расцвете сил.

Мирская обхватила голову руками и начала со вкусом жаловаться. Через пять минут я почти утонула в водопаде ее стонов.

Майя не замужем, одна воспитывает дочь Галю, никаких кавалеров на горизонте у Мирской нет. Родители умерли, оставив ей в наследство крохотную малогабаритную двушку на окраине Москвы. Галина хочет красиво одеваться и проводить время с однокурсниками, а те носятся по ночным клубам. Машины у Майи нет, она ездит в вонючем метро и в грязной маршрутке. Шуба для нее недостижимая мечта, зарплата – горькие слезы...

Майка перевела дух, снова открыла рот, но я успела спросить:

– А при чем тут мой дом?

Мирская покраснела.

– Я отвечаю за съемки сериалов. Представить не можешь, какая это собачья работа, я на канале пятнадцатый год вкалываю. Но в последнее время Алексей Волгин стал делать мне намеки про возраст, понимаешь?

Я кивнула. Леша личный помощник хозяина телеканала. На мой взгляд, босс, Сергей Петрович Михайлов, человек добрый, но большая часть подчиненных зовет его «Великий и ужасный». Я теперь знаю Сергея достаточно хорошо и понимаю, что самое неприятное для него – это делать сотруднику замечание. Михайлов никогда не кричит на подчиненных, не устраивает прилюдных порок, лишь молча морщится, если кто-то допускает оплошность или совершает глупость. Вот только не надо думать, что Михайлов сахарная вата. Для казни провинившегося у него есть Леша Волгин. Если тот, столкнувшись с вами в коридоре, бросает на ходу:

– Зайди срочно ко мне, поговорить надо, – быстро натягивайте чистое белье и готовьтесь к смерти.

В отличие от босса Лешик не страдает милосердием. У него злой язык, он наделен большими полномочиями и преспокойно сносит головы с плеч. Алексея спускают с цепи всякий раз, когда Михайлову хочется крови. А еще Лешенька умеет нашептать кое-что хозяину на ушко таким образом, что получается вроде бы правда, а на самом деле ложь. Друзей у Волгина на канале нет. Полагаю, что многие телерабы

хотели бы завязать с правой рукой Великого и ужасного приятельские отношения, но Волгин держит дистанцию, никогда не улыбается, обедать в кафе на десятом этаже не ходит, в местный спортзал не заглядывает, говорят, даже туалетом не пользуется, чтобы там его не поймали у писсуара.

Месяца три тому назад Лешенька вдруг стал во время совещаний проявлять заботу о Майе. Началось с того, что он спросил:

– Майя, может, выключить кондиционер, вам не дует?

Мирская чуть не свалилась со стула, но ответила:

– Спасибо, не стоит ради меня другим в духоте мучиться.

Алексей демонстративно схватил пульт и заявил:

– В вашем возрасте легко простудиться, все-таки уже не двадцать лет, когда организму любой стресс нипочем.

Спустя пару недель Алексей неожиданно очутился у Мирской за спиной в столовой и спросил:

– Майя, вы берете «Оливье»? Он же с майонезом!

Она с трудом удержала поднос, но вежливость требовала ответить Волгину, поэтому Мирская заулыбалась:

– Грешна, обожаю главный российский салат.

– В вашем возрасте лучше не увлекаться жирным соусом, – заботливо сказал Волгин. – Могут возникнуть проблемы с желудком.

– Я абсолютно здорова! – отрезала Майя.

– Слава богу! – воскликнул Алексей. – Но рисковать не стоит. В вашем возрасте следует осторожничать.

Не прошло и двух дней, как Мирская столкнулась с «Малютой Скуратовым» нашего канала у лифта.

– Майя, вы сегодня очень бледны, – зацокал языком Алексей. – Нездоровится?

– Ерунда, – бойко отбила мяч она, – голова побаливает.

– Ступайте домой, – велел Алеша, – заползайте под одеяло, выпейте чаю и баиньки. В вашем возрасте необходимо заботиться о себе. Майечка, вы замужем?

– Нет, – чуть слышно ответила Мирская.

– Странно, что такая красивая и умная женщина живет одна, – расплылся в змеиной улыбке Алексей. – В вашем возрасте нужно иметь за спиной каменную стену, за которой можно спокойно переждать любые бури. Слабой половине человечества лучше не работать, а отдыхать, заниматься собой. Спа-салон, фитнес-центр, шопинг, вы меня понимаете? Напряженный ритм телевидения больше подходит молодым.

Майя перепугалась до дрожи в коленках. Всем на канале известно, что Волгин – злые уста и карающий меч Великого и ужасного. У Майи скоро пятидесятилетний юбилей, она молодец, выглядит на сорок, работает без устали, но отдел кадров знает о возрасте безотказной дамы, и Алексей неделикатно намекнул ей: готовься на выход, дорогуша, с вещами!

Несмотря на охватившую ее панику, Майя решила сохранить лицо и с достоинством произнесла:

– Я люблю спа и шопинг, но не мыслю себя без работы,

к тому же на посещение массажиста и косметолога нужны деньги.

– С такой красотой нетрудно найти мужчину, который охотно будет вас баловать, – замурлыкал Алексей. – Просто оглянитесь, вероятно, он рядом с вами. Выйдете замуж, осядете дома, перестанете нервничать. В вашем возрасте вредно жить в постоянном стрессе!

– Я молодая, здоровая, сильная, способна работать еще триста лет, – разозлилась Майя. – Перестаньте делать мне оскорбительные намеки!

Волгин отпрянул, а Мирская вскочила в весьма вовремя подъехавший лифт и умчалась наверх. В душе укоренился страх: а ну как ее вытурят с работы? Куда тогда деваться? Как жить? Накоплений у нее нет. Если Алексей и дальше продолжит нежную травлю, она сама отправится к Михайлову и скажет: «Я пахала на вас пятнадцать лет, а теперь вы меня гоните вон, как дряхлую собаку?»

Ничего хорошего после такого заявления с Майей не произойдет, но она хотя бы временно испортит Великому и ужасному настроение. Мирская отлично знает, как тот не любит скандалов.

Но Алексей неожиданно перестал намекать Мирской на ее преклонный возраст, он придумал новый финт. Два дня назад личный палач его величества зазвал Майю в свой кабинет и устроил ей царский прием. Едва она увидела, как Лешенька достает из шкафа коробку швейцарского шокола-

да, английское печенье и бутылку французского коньяка, она поняла: дело плохо, не к добру такая щедрость и веселый оскал Волгина.

– Мы, как вы знаете, долго вели переговоры об участии в нашем новом сериале Вадима Полканова, – медовым голосом завел Алексей.

– Верно, – кивнула Майя, – это моя идея. Вадим делает кассу. В принципе Полканов уже дал согласие, но что-то застопорилось, возникли финансовые помехи.

– Мы только что договорились, – потер руки Алексей, – с деньгами все утрясли, но есть одно препятствие, вот устраним его, и Вадим наш.

– Говорите, – улыбнулась Майя, – я привыкла исполнять капризы звезд, ничему не удивляюсь.

– Сразу предупреждаю, Полканов потребовал невозможного, – вздохнул Волгин.

– Ерунда, – отмахнулась Мирская, – для меня невыполнимых дел не существует. Чего он хочет?

Алексей сел в свое кожаное кресло.

– Знаете, я всем говорю: «Майя наш лучший работник, без нее никуда, добрая волшебница канала». Но, боюсь, тут даже вы спасуете. Вадим хочет на время съемок поселиться в доме Дарьи Васильевой, ведущей одного из наших шоу.

– Ну и ну! – изумилась Майя. – Что за глупость?

Алексей ухмыльнулся.

– Мачо затеял ремонт, его квартира в руинах. Он недавно

расплевался с очередной любовницей, решил вымести ее дух из дома, даже потолок и пол ободрал.

– Если после каждой бабы стены красить, так и разориться можно, – не выдержала Майя.

– Ему жить негде, – засмеялся Алексей, – громить пентхаус Полканов начал, когда работал с объединением «Телемурк», оно ему номер в гостинице снимало. Сейчас их проект завершен, ясный день, Вадиму больше проживание в отеле не оплатят. Полканов бьется в истерику.

– Не вижу повода для беспокойства, – обрадовалась Майя, – пусть он остается на месте, мы возьмем расходы на себя, и все будет о'кей.

– Я предложил то же самое, – кивнул Алексей. – А Елизавета, помощница Полканова, с виду белая незабудка, а по сути акула-людоед, достала дурацкий журнал, ткнула в фото пальчиком и прошебетала: «Вадим хочет занять вот эти комнаты».

Алексей попытался растолковать Лизе, что дом принадлежит Дарье Васильевой, канал никакого отношения к особняку не имеет. Но Лизочка, отбрасывая на спину белокурые локоны, хлопала кукольными ресницами и пищала:

– Вадик хочет туда, и точка. Снимите ему особняк. Договоритесь с Васильевой. Она ведет у вас шоу, неужели не согласится? Если до субботы Полканов не переедет, он примет предложение объединения «Синий треугольник», сыграет в их сериале, принесет бабло вашим конкурентам! Ва-

дим в восторге от васильевского особняка, он там будет подпитываться правильной энергетикой. Но если лучший актер России не поселится в Ложкине, то прощайте, господа.

Из кабинета Волгина Майя ушла в твердой уверенности: ее благополучие и жизнь зависят от того, получит ли капризный актер новую игрушку. Если Вадим благополучно начнет съемки на канале Михайлова, Мирская может не беспокоиться о карьере, а вот если нет...

Уяснив суть вопроса, я брякнула:

– Нет.

Майя попыталась надавить на меня, но у нее быстро закончились все аргументы. Да, я вела шоу «Истории Айболита» и сейчас готовлюсь к новому проекту, мне нравится стоять перед камерами, а потом слушать восхищенные отзывы подруг, которые сидят у экранов. Но, если мне придется уйти из эфира, плакать не стану, материально я не нуждаюсь, мой доход не зависит от воли Сергея Петровича Михайлова.

Исчерпав арсенал стандартных угроз, намекнув мне на потерю славы, денег и полнейшее забвение у зрителей, Мирская сменила тактику. Она заплакала, напомнила о капризной дочери, об отсутствии мужа, подкатывающей неотвратимой старости и под конец выпалила:

– Дашута, если ты не согласишься, меня выпрут с канала. Придется слоняться по улицам, шаркая по лужам драными ботами, и выпрашивать милостыню.

Я отлично понимала, что стала объектом манипуляций,

но как теперь ответить Майе: «Нет»? В конце концов я придумала отговорку:

– Мой сын, которому принадлежит дом, крайне негативно отнесется к его сдаче. Я готова тебе помочь, но Аркадий сто процентно откажет. И вы не сможете оформить документы, владелец особняка проживает в Париже, в Россию не прилетит, ему некогда.

Майя не сдалась:

– А как насчет гостей? Если к тебе приедет подруга, Аркадий устроит скандал?

– Конечно, нет, – засмеялась я, не заметив хитро расставленную ловушку.

– Вот и отлично! – захопала в ладоши Мирская. – У вас полно места. Пригласи Вадика к себе пожить. Это отличный выход из положения. Ты остаешься на месте, Полканов удовлетворит свой каприз, канал не потратит денег! Шикарно!

Я могла бы поспорить с последним утверждением, мне предложение совсем не понравилось, но я сказала другое:

– В доме полно животных. Полканов случайно не аллергик?

– Нет, нет, – радостно завопила Майя, – он обожает кошечек-собачек-птичек-рыбок-червячков.

Я скрипнула зубами, но решила не сдаваться.

– Есть одно препятствие.

– Я возьму любую крепость, – оптимистично пообещала Майечка.

– Не могу найти домработницу, – зачастила я, – дома запустение, не очень чисто, и еды нет.

– Пустяки! – фыркнула Мирская. – Горничная приедет завтра же. Почему ты раньше мне не сказала? Уно моменто.

Майя схватила трубку и начала бойко набирать разные номера. Через десять минут она, как обожравшаяся кошка, промурлыкала:

– Дашуня, в восемь утра жди Лику, это работающая, не испорченная Москвой баба, прибыла две недели назад из села Муравка. Крепкая, здоровая, не истеричная крестьянка, готова пахать с утра до ночи, не гнушается никакой работы, обожает домашних животных. Своей семьи не имеет, честна до глупости. Есть у тебя еще проблемы? Озвучивай, я их решу.

Поскольку мне в голову ничего не приходило, пришлось выдать:

– Пока все.

– Прекрасно, – прощбетала Майя. Потом обняла меня и с чувством произнесла: – Дашка, спасибо! Ты меня натурально спасла. Я по гроб жизни буду тебе благодарна. Держи визитку, там все мои телефоны, звони. Если что надо – звезду с неба достану.

Я уныло покосилась на белый прямоугольник, потом спрятала его в сумочку и ушла. Молодец, Дашутка, поздравляю, ты мастер спорта международного класса по влипанию в малоприятные истории. Очень надеюсь, что до Зайки и Ар-

кадия никогда не дойдет известие о проживании в Ложкине Вадима Полканова. Боюсь, ни детям, ни Ольге моя инициатива не придется по вкусу.

Глава 3

Принято считать, что первое впечатление от человека самое верное. Представьте, как я удивилась, увидев на пороге юную, симпатичную, похожую на свежесдобитую булочку блондинку лет пятнадцати. У ног ее стоял ряд огромных чемоданов и кожаных сумок.

– Здравствуйте, это Вадим Полканов, – нежным голосом пропела она. – Где носильщики? Нужно оттащить багаж в отведенные для него апартаменты.

От неожиданности я попятилась и сказала:

– Добрый день, Вадим Сергеевич, меня зовут Даша. Очень рада временно приютить вас в своем доме.

«Булочка» тряхнула тщательно завитыми локонами.

– Вадим ненавидит отчество, он еще молод и не готов быть «Сергеевичем», и на «вы» к нему не следует обращаться. В отличие от большинства знаменитостей Вадюша совсем не пафосный. Чем человек гениальнее, тем он проще. А я вообще-то Лиза, пресс-секретарь Полканова, Вадик сейчас подойдет. Так кто-нибудь поможет внести чемоданы?

Я удивилась. Полканов спортсмен, в последнем сериале он играет циркового актера, который благодаря силе воли поднимается из инвалидного кресла. Особенно эффектны последние кадры: главный герой, обнаженный по пояс, ловко жонглирует пудовыми гириями. Как правило, ни одну сцену

не снимают с первого дубля, наверняка режиссер заставил Полканова бросать железо весь день. Неужели такой физически сильный мужчина не может сам внести в особняк свои вещи? За него их таскает крохотная Лиза?

– Ау! Проснитесь! – пропела Елизавета. – Надеюсь, меня поселят неподалеку от Вадика? А то на съемках у Буракова нас разместили в гостинице на разных этажах. Я похудела на три кило за неделю, носилась колбасой по лестницам.

Я опять изумилась и снова сказала то, что не следовало:

– Вас тоже надо приютить? Майя говорила лишь о Вадиме!

Елизавета сдула со лба белокурую прядь.

– Лучше нам сразу перейти на «ты» и постараться наладить контакт. Я не агрессивна, готова к компромиссам, аккуратна, спокойна, ем, что дают, не выпендриваюсь. Почему я должна быть рядом с Вадюшей? Скажи, ты сможешь поливать из водомета толпу сумасшедших баб, которые будут рваться сюда с желанием обнять Вадика?

– Нет, – ошарашенно ответила я. – Мне это и в голову не придет.

– Так, – деловито кивнула Лиза. – Готова ли ты отвечать на бесконечные телефонные звонки, общаться с теми же фанатками и, что намного хуже, с журналюгами? Чувствуешь в себе силу убить папарацци, которые засядут в кустах с фотоаппаратами? Знаешь, сколько изюминок нужно положить Вадиду в кашу? Как ему заварить чай? А?

Я попятилась в холл.

– Меня никто не просил ухаживать за Полкановым. Я согласилась принять его исключительно из хорошего отношения к Мирской. Тут не пансион с системой «все включено». Это частный дом, я в нем живу, а не зарабатываю сдачей комнат.

– Знаю, – кивнула Елизавета, – спасибо, что пошла навстречу Вадику, я не хамло, которое наехало на интеллигентную хозяйку. Просто я считаю нужным сразу тебя предупредить. К обеду возникнут проблемы, ты испугаешься, а я спокойно разруливаю любые косяки, это майн арбайт³. Всем будет намного лучше, если я поселюсь поблизости, на расстоянии вытянутого пальца. Но, если ты хочешь, я уеду.

Я опомнилась.

– Проходи, пожалуйста, в особняке есть несколько свободных комнат на первом этаже, выбирай любую.

– Спасибо, – обрадовалась Лизавета. – Пойду, посмотрю на спальни, а уж потом решу, в какой Вадика устроить. Вадюша, вылезай, познакомься с Дашей.

Сказав последнюю фразу, Лиза, в секунду скинув туфли и курточку, ринулась в дом. Я отошла к стенным шкафам, увидела человека, медленно перешагнувшего порог, и постаралась улыбнуться как можно приветливее. Ну, Майя, погоди! Похоже, хитрованка Мирская обманула меня, она слезно умоляла дать на время съемок кров звезд Полканову, а про

³ Mein Arbeit – моя работа.

Лизу даже не упомянула. И еще Мирская забыла сказать о тощем, смахивающем на маленькую собачку парне, который сейчас бочком протиснулся в холл. Похоже, он тоже из свиты Вадима. Может, это стилист, гример или личный помощник, который по утрам помогает звезде всовывать ноженьки в тапки? Но делать нечего, снявши голову, не стоит рыдать об испорченном макияже. Если на тебя наехал асфальтоукладчик, расслабься и попытайся получить удовольствие.

– Здравствуйте, – тихо сказал «чихуахуа». – Вы, очевидно, Даша?

– Именно так, – кивнула я, – а вас как зовут?

– Вадим, – представился незнакомец.

Отлично, тезка своего хозяина.

– Вадим Полканов, – уточнил заморыш.

Я снова, уж не помню в который раз, лишилась дара речи. Вадим Полканов?! Двухметровый накачанный мачо-блондин? Владелец самых крутых бицепсов российского кинематографа? Владелец идеального пресса с кубиками? Человек, филигранно управляющий автомобилем, мотоциклом, самолетом, яхтой, подводной лодкой, батискафом, воздушным шаром? Пловец, бегун, борец, акробат, который сражается со львами-тиграми-медведями, виртуозно стреляет из всех видов оружия от пращи до ракеты «Булава», а в свободное от подвигов время укладывает в койку женщин любых возрастов... Ни одна дама, если верить прессе, не отказала помеси Джеймса Бонда с мистером Вселенная. Это он? Но,

простите, рост у Вадика меньше, чем у меня, джинсы он, похоже, приобретает в детских магазинах. Наконец-то мне удалось встретить человека, рядом с которым я ощущаю себя Гаргантюа. А мне с моими сорока пятью килограммами и ростом чуть выше таксы не часто удается испытать это чувство.

Пауза явно затянулась. Мне следовало проявить радушие, но изумление никак не проходило. Слава богу, именно в ту минуту, когда молчание стало неприличным, в холл вернулась Елизавета, и я вспомнила об обязанностях хозяйки.

...Сегодня, ровно через неделю после прибытия Вадика в Ложкино, я уже отлично знаю: артиста снимают с применением разных технических хитростей. Вадима водружают на специальную подставку, надевают ему на ноги особые ботинки на скрытой платформе, устанавливают камеры так, чтобы на пленке Полканов казался почти двухметровым. Еще есть компьютерные технологии, они из меня легко сделают Брижитт Бардо эпохи ее замужества с Роже Вадимом⁴. И очень здорово, что у нас живет Лиза, которая исключительно из скромности назвалась пресс-секретарем. На самом деле она няня, мать, психотерапевт, косметолог, гример, костюмер, спичрайтер, охранница и прочее в одном лице.

– Какой у нас день недели? – спросил Вадим, появляясь в гостиной.

– Среда, – крикнула из коридора Лиза. – У тебя в десять

⁴ **Брижит Бардо** (род. 1934 г.) – французская киноактриса. Брак с кинорежиссером Роже Вадимом она заключила в 1952 г.

утра встреча с продюсером, в двенадцать разговор с корреспонденткой из газеты, одновременно съемка, в два – автограф-сессия в центре досуга, в четыре нас ждут на презентации нового парфюма. Там придется дать парочку интервью, будут камеры, в семь радиопрограмма на тему «Как добиться счастья в семейной жизни»...

Тут я не удержалась и захихикала. Ну да, Полканов лучше всех может дать совет на тему семейной жизни, в особенности если учесть, что ни супруги, ни детей у него нет.

– В двадцать один надо заглянуть к певице Марте на день рождения, – деловито перечисляла Лиза. – Там повертимся минут пятнадцать, позвездячим на объективы и переберемся к... к... э... не могу выговорить имя... Куйрамди-санбанимбайкуливакаеву... фу! Ну и фамилии у некоторых. У него благотворительный аукцион, там, естественно, будет пресса.

Вадим горестно вздохнул:

– А пообедать? Перерыв не предусмотрен?

– Поешь в машине, – отрезала Лиза. – Энергетический обед от фирмы «Мисаево». Отличная вещь! Оптимальный набор белков, жиров и углеводов.

Полканов сел на стул.

– Знаешь, в чем основная проблема здоровой пищи? Ее невозможно есть. Извини, Лизок, но у меня возникает стойкое ощущение, что жрачку от «Мисаево» кто-то уже один раз пытался схомячить и выплюнул, а ее снова в коробочку

положили и мне предложили.

– Глупости, – возмутилась Лиза. – Лучше прими биодобавку, вон, на столе баночка. Вчера тебе купила, швейцарское производство.

– Где? – покорно спросил Вадюша, поглаживая по голове собаку Афину.

За неделю совместного проживания мне стало ясно: Полканов очень любит животных, а те платят ему взаимностью. Даже вредина Гектор с удовольствием болтает с актером, а ведь ворон всегда встречает незнакомцев в штыки.

– На столе, – без тени раздражения повторила Лизавета. – Синяя туба с красной крышкой, открой, съешь одну пилюлю, запей водой.

Полканов изучал поверхность столешницы. Лиза уже успела убежать – она передвигается быстрее света, – поэтому Вадик посмотрел на меня.

– Не вижу никаких лекарств.

В первые дни пребывания звезды в Ложкине я считала, что Вадим прикидывается дурачком. Ну, согласитесь, это выгодная позиция: не могу ничего сделать в бытовом плане, потому что не умею, дайте мне поесть-попить, сам я взять еду не способен, скажите, чем я сегодня занимаюсь, у меня отвратительная память, достаньте из шкафа костюм-рубашку, иначе я нацеплю в мае месяце драповое пальто на меху и валенки, простите, люди добрые, я бы рад запомнить всю эту ерунду, но слишком погружен в творчество. Но теперь я

поняла: Вадик на самом деле редкостный недотепа, он может скончаться от жажды возле крана с водой, потому что попросту не заметит его. А еще артист побаивается Лизавету, хоть она младше своего подопечного, но является для него строгой маменькой. Лиза называет Полканова шеф, босс, начальник, но я отлично понимаю, кто в этой паре хозяин.

– Красная бутылка? – растерянно бубнил Вадик. – Вижу минералку, вон она, в графинчике.

Я кинулась ему наперерез. Надо велеть Лике тщательно убирать со стола все, кроме сахарницы. В графинчике уксус, нежелательно, чтобы Вадик его наглотался, правда, уксус яблочный, но все равно опасно.

– Может, Лизок говорила про машину? – задумчиво тянул Полканов. – Вероятно, витамины в джипе.

Я взяла со скатерти синюю тубу и протянула Вадику:

– Вот.

– Спасибо, Дашенька, – обрадовался он и начал дергать крышку. – Можно мне кофе? В кухне на столике лежит маленький пакетик, его мне подарил Кирилл Рагозин, очень хочется попробовать.

– Лика, – крикнула я.

Домработница вырулила из коридора:

– Ась?

– Найди небольшую упаковку кофе, Вадим ее оставил на кухне, и приготовь его со сливками, – велела я. – Не забудь положить сахар.

– Крохотулечный такой сверточек? – уточнила Лика. – В серебряной бумажке?

– Да, да, – обрадовался Вадик, – он самый. Предвкушаю наслаждение, Кирилл его с огромным трудом провез.

Лика округлила глаза.

– Чего тяжелого? Там веса два грамма!

Вадик улыбнулся.

– На земном шаре есть одна-единственная плантация, где растет этот кофе, он уникален.

– Скажите пожалуйста, – зацокала языком Лика. – И что ж там в земле такого особенного? Наверное, вода. В нашей Муравке ни фига хорошего ни у кого на огородах не растет. Ведро картошки весной посадишь – ведро картошки осенью соберешь. Куры у нас тощие, свиньи тоже! Хоть их белым хлебом с маслом корми, не жиреют. А в Завьяловке! Там из земли все так и прет! Лук размером с мужской кулак! Чесночиной, если швырнуть, убить можно! Морковка здоровее дына из забора! Цыплята у них – как кабаны, а хряки – будто медведи. А все почему? Вода! Завьяловка на реке стоит, в нее отходы от уранового производства спускают, вроде как государственный секрет, но о нем все знают. В особенности бабы, потому что, если в речушке возле Завьяловки исправно купаться, грудь колесом отрастает. Вот уж людям повезло! А в нашей Муравке ничего похожего нет!

Вадим, продолжая вертеть крышку тубы, ужаснулся:

– Разве можно использовать воду с радиоактивными от-

ходами! Она же опасна для здоровья.

– Вранье! – убежденно заявила Анжелика. – Начальники специально простым людям так говорят, чтобы речку по домам ведрами не растащили! А сами вечно теток подсылают с пробирками, они из речушки-то черпают. Зачем? Понятненько, главному нашему губернатору для омоложения возьят, а народу запрет накладывают. Кто поглупей, сказки про вредность слушает, а кто поумней, по ночам купаться ходит.

– Ужас! – воскликнул Вадим. – Нельзя быть настолько необразованными. Радиоактивность убивает.

Но Лику невозможно было переубедить.

– Неправда. Дядя Миша каждый день в реке умывался, и что? У него третий ряд зубов вырос! Сын Кати Ермоловой с младенчества только из речки пил, потом женился на Тане, она всегда с матерью в воде белье полощет, и у них дети получились гении! У младшего Кости есть глаз на затылке, он его волосами прикрывает и все отлично за спиной видит. Это ж как удобно! Верка, старшая, с третьей рукой родилась. Ясное дело, три лапы лучше двух. Так что с кофе-то?

– Слава богу, в нем нет никакой химии, – ответил Вадик, тряся тубу с биодобавками. – Плантация расположена в особом месте, где обитают хорьки. Они обожают плоды кофейного дерева, сжирают их в большом количестве, затем зерна вынимают, обжаривают и продают. Очень дорого. Безумно.

Лица насупилась.

– Не разобралась я. Если хорек слопал кофе, то как его

потом жарят? Что проглотили, то назад не вернуть!

– Очень даже просто вернуть, – возразил Полканов и стал катать упаковку с пилюлями по столу. – Сотрудники достают зерна из испражнений животных.

– Слышала об этом изыске, – кивнула я, – но вроде зерна проходят через желудочно-кишечный тракт обезьян и их спокойно продают в московских супермаркетах. Вот насчет цены ты не ошибся, она непомерно высока.

– Обман покупателей, – вздохнул Вадим. – Дуракам впаривают обычную, пережаренную арабику. За десять граммов бросового продукта берут тысячу евро. На самом деле кофе с той плантации – национальное достояние, он реализуется исключительно на месте произрастания.

– Откуда его достают? – звенящим голосом переспросила Лика. – Я правильно поняла? Хорек под кустик сбегает? И...

– Точно, – кивнул Вадик. – Кирюха на ту плантацию специально на экскурсию ездил, сам зерна добывал, там для туристов такое развлечение устраивают, дают тебе совочек, лопатку – и действуй. Рагозин ухитрился чуть-чуть припрятать и мне привез. Спасибо ему, но рисковать не стоило, за вывоз этого сорта кофе по местному закону положена смертная казнь.

– Неужели люди такие деньжищи за, простите, пожалуйста, дерьмо платят? Тысяча евро десять граммов? Значит... за сто... э... квартиру купить в Москве можно! Да этот кофе совсем обычный! Вкус у него простой! – зачастила Лика.

Вадик протянул мне упаковку с таблетками.

– Дашенька, не могу открыть, может, у тебя получится?

– Столько деньжищ за хорьковое говно! – причитала Лика, идя на кухню. – Вот на чем миллионы зарабатывают!

Я взяла тубу, прочитала название препарата: «Интеграл. Капсулы для развития умственных способностей», и попыталась снять крышку. Не тут-то было. Та сидела, словно приклеенная.

– Можно кофеечку? – попросил Вадик и сел к столу. – Сгораю от интереса, никогда такого не пробовал.

– Сейчас, – пообещала я, пошла в кухню и спросила у Лики, которая с потеряннным видом стояла у холодильника.

– Ты выпила подарок Кирилла? Сварила его в турке-египтянке?

– Я не знала, что это дрянь, – заняла домработница, – думала, рекламный пакетик из журнала, все равно выбросите! Не рассказывайте Лизе, она меня убьет. Ой, тошнит! Сейчас умру.

– Останешься жива, если никому не скажешь, чем полакомилась, – пообещала я. – Сейчас сварю Вадиду обычный напиток, положу туда немного кардамона для пикантности. А ты пока открой банку с таблетками.

Домработница взяла «Интеграл», я шагнула к плите и услышала звонок в дверь.

Глава 4

В Ложкине царит патриархальный уклад. Поселок застроен давно, никаких гастарбайтеров на территории нет, жильцы практически не меняются, разве что дети подрастают. Те, кто был в момент нашего заселения малышами, сейчас превратились в студентов, и я их не узнаю. Ложкинцев благополучно обходят стороной разные беды, нас не грабят, не обворовывают, не устраивают пожаров. Случаются неприятности, но мелкие. Поэтому население поселка расслабилось, мы не закрываем калиток, свободно заходим на участки друг к другу и ленимся запирать на замок входную дверь.

Я глянула на экран видефона и увидела девочку лет тринадцати. На ней была красивая дорогая кожаная куртка, под курткой шелковое платье, в ушах посверкивали бриллиантовые сережки, а ноги обуты в недешевые туфли. Подумав, что это кто-то из соседских девочек, чье стремительное взросление прошло мимо меня, я распахнула дверь и сказала:

– Привет.

– Здравствуйте, тетя Даша, – вежливо произнесла девочка, – мы хотим, чтобы в поселке организовали театр. Вы не против?

– Конечно, нет, – улыбнулась я.

– Подпишите письмо коменданту? – деловито спросила она.

– Давай, – согласилась я, – как тебя зовут?

– Катюша, – представилась девочка, – может, разрешите мне в гостиную пройти? Бумагу составлял мой папа, он адвокат, получилось несколько листов.

– Подпишу не глядя, – легкомысленно пообещала я.

Катя укоризненно щелкнула языком.

– Ну разве так можно? Надо внимательно изучить документ. Вдруг там что-то нехорошее.

Я смутилась.

– Ты права, заходи.

Когда мы с Катей вошли в столовую, там по-прежнему сидел Вадим.

– Ни у кого не получилось упаковку с пилюлями открыть, – жалобно произнес Полканов. – Как ни старались, не вышло!

Не успел он договорить, как в комнату влетела Лиза, схватила тубу, в мгновение сняла с нее крышку и воскликнула:

– Ничего сложного. Нажать, крутануть и снова надавить.

Я покосилась на банку с пилюлями. Может, мне тоже стоит принимать средство для развития интеллекта? Авось после нескольких курсов буду соображать, как откупоривать тубы с лекарствами.

– Вы Вадим Полканов? – звонким голосом воскликнула Катя. – Актер из сериалов?

– Да, – быстро ответила Елизавета, встав между девочкой и своим подопечным. – А ты кто такая?

Я поняла, что Лиза посчитала школьницу одной из надоедливых фанаток, и решила прийти на помощь милой девочке.

– Знакомьтесь, это Катенька, наша соседка, она живет в доме... э... солнышко, подскажи, где, я забыла.

Катерина без приглашения села к столу.

– Моя фамилия Соловьева, маму зовут Ирина Алексеевна.

Я судорожно пыталась вспомнить, кто такая Соловьева, а Катя продолжала:

– Вам это имя знакомо?

– Ну, конечно, – лихо соврала я и вдруг сообразила: вопрос адресован Вадиму.

– Ирина Соловьева, – повторила девочка, – официантка из ресторана «Теленок», мама в нем до моего рождения работала, сейчас она управляющая кафе «Фасоль».

– Нет, – покачал головой Вадим, – никогда не заглядывал ни в «Теленок», ни в «Горох».

– «Фасоль», – поправила Катя.

– Туда тоже, – заверил Полканов.

– Ты здесь не живешь, – с запозданием сообразила я. – И никакой театр у нас открывать не собираются.

– Простите, тетя Даша, мне пришлось вас обмануть, – тихо сказала Катя, – но к Вадиму очень сложно подобраться. Если он устраивает автограф-сессию, то рядом находится ку-ча охраны, поговорить с ним по душам не дают. Я писала

Вадиму Сергеевичу на email, но ответа не получила, отыскала его мобильный, но к трубке подходит женщина и отвечает: «Он за границей, связи с ним нет». У ворот киностудии Полканова поймать нереально, он не идет, как все, через проходную, а въезжает в ворота на машине. Но я узнала, что он переехал в ваш дом, вот и воспользовалась шансом.

– Кто тебе сказал, где его искать? – поразилась я.

– Чистая правда, – выпалила Катя.

Я не поняла девочку, а Лиза быстро пояснила:

– Это название сайта в Интернете. Платите деньги и получаете любые сведения.

– Там можно вещи купить, – подхватила Катя, – допустим, белье, книги, обувь знаменитости, и всегда верные адреса, телефоны и прочее.

Я ощутила себя неандертальцем перед телевизором.

– Где хозяин портала берет информацию и кому нужны поношенные шмотки?

Катя засмеялась, а Елизавета зло воскликнула:

– Понятия не имею, как этот мерзавец нарывает сведения, давно хочу ему голову открутить. И полно дураков, которым хочется исподнее звезд заполучить за приличные, кстати, бабки. Лифчик певицы Майры на сайте «Чистая правда» был выставлен за пять тысяч евро, и его вмиг приобрели!

Из кухни послышались грохот и голос Лики:

– Офигеть! Вот как люди миллионы огребают!

Мне стало жаль домработницу, слишком много информа-

ции свалилось на бедняжку за одно утро. Сначала хорьки со съеденными зернами кофе, теперь торговля обносками народных кумиров.

– Баран тупой! – меланхолично сказал Гектор, входя в столовую.

Я не одобряю поведения ворона, подчас он слишком груб, но как еще можно назвать человека, который отсчитывает такую сумму за потасканный бюстгальтер Майры? Кстати, кто-нибудь слышал, как она поет? Видел ее на экране телевизора или на сцене? Я – нет.

– Хорошо, – кивнула Лиза, – я оценила твою находчивость. Обычно я не поощряю хамства и спускаю нахалок с лестницы. Но тебе повезло, Вадик даст автограф. Сейчас принесу его фотооткрытку.

– Спасибо, не нужно, – остановила ее Катя.

На лице Лизы появилось выражение удивления.

– И что ты хочешь? Совместный снимок? Давай свой мобильный!

Я не успела моргнуть, как Лиза выхватила у девочки из руки трубку, быстро нажала на кнопку и вернула ей со словами:

– Супер, ты с Вадимом рядом. Довольна?

– Нет, – возразила Екатерина.

– Уж не замуж ли ты за Вадима Сергеевича собралась? – издевательски осведомилась пресс-секретарь.

– Это невозможно, – спокойно парировала Катя.

– Хорошо, что ты трезво оцениваешь обстоятельства, – ехидно сказала Лиза.

– Это невозможно, – повторила незваная гостья, – потому что я его дочь!

Вадик откинулся на спинку стула:

– Опять! Ну сколько можно!

– Дочка? – подпрыгнула я. – Родная?

– Кривая, – зашипела Елизавета. – Пятая за весну! А еще появляются бывшие жены, мамы, папы, бабушки, братья, сестры. Всем нужны деньги срочно на операцию по поводу онкологии, все хотят лечиться в Америке, требуют по миллиону долларов без учета стоимости билетов Москва – Нью-Йорк.

Я плюхнулась на диван.

– Мои родители давно скончались, – устало произнес Вадим. – Никаких родственников у меня нет, в загс я не ходил, но тем не менее Лизавета постоянно получает послания от брошенных мною супружниц. Их число перевалило за три тысячи. Я брачный гигант.

– Но я правда ваша дочь, – закусила удила Катя. – Настоящая!

– Показывай свидетельство о рождении, – потребовала Елизавета.

– В нем не указано имя отца, – смутилась Катя, – но я готова сдать анализ ДНК.

– Деточка, почему ты решила, что Вадим твой папенька? –

уже более ласково осведомилась Лиза.

– Мама сказала, – объявила Катя.

Елизавета расхохоталась.

– Супер. Я могу соврать, что являюсь дочерью принца Чарльза, пробиться в Букингемский дворец и потребовать себе английский трон. До свидания, кисонька, не надейся здесь поживиться.

Катя выпрямилась.

– Денег мне не надо. У нас с мамой все есть, и квартира, и еда, и одежда. Мамуля мне про отца никогда не рассказывала, в детстве я о Полканове ничего не слышала. Призналась она недавно. Я из нее инфу клещами вытянула, шантажом. Интересно ведь, кто мой папа! А мама на мой вопрос мямлила:

– Мужчина один, симпатичный, когда подрастешь, узнаешь, кто он.

Ну я и сказанула:

– Или ты сообщаешь мне его фамилию, или я не хожу в школу.

Неделю дома просидела, только тогда она раскололась. Мамуля работала в кафе «Теленок», раньше Полканов там часто ужинал, пока не достиг большой известности, денег много не имел, мама его часто в долг кормила, у них случилась любовь. Когда мамочка сообщила о беременности, Вадим ей предложил сделать аборт, дал денег, но она не пошла на операцию. Сказала ему, что полюбила другого, и расста-

лась с Вадимом, а он перестал ходить в кафе.

– Посиди тут минутку, – приказала Лиза и убежала.

Катя посмотрела в упор на ошарашенного артиста.

– Мне ничего не надо. Ни денег, ни помощи. Мы с мамой хорошо живем, я не собираюсь быть актрисой, мечтаю стать хирургом, пришла к вам не для того, чтобы просить протекции на вступительных экзаменах. Я учусь на одни пятерки, уверенно иду на золотую медаль, занимаюсь в кружке при мединституте, меня в вузе почти все преподаватели знают, я стопроцентно поступлю на первый курс, сдам экстерном за девятый-десятый класс и окажусь в институте.

– Зачем ты тогда сюда приехала? – удивилась я.

Катя подперла щеку кулаком.

– Мама всегда говорит: «Если человеку плохо, а ты помочь можешь, протяни ему руку». Я прочитала в журнале большое интервью Полканова, он там рассказывал, что одинок, не имеет ни родственников, ни друзей, хочет завести ребенка, девочку, но до сих пор не встретил ту, которая согласилась бы сделать его отцом. Вадим Сергеевич жаловался на женщин, что все они нацелены на веселье, кутеж-гудеж, а не на семейную жизнь. Верность, желание вести хозяйство, исполнение роли супруги и матери нынче не в чести. Поэтому ему так плохо, что в голову приходят мысли о суициде. И я подумала, надо найти Вадима Сергеевича и рассказать про нас с мамой. Мать никогда не смотрит на мужчин, у нее ни с кем нет отношений, она до сих пор любит Полканова.

Я хорошая девочка и тоже готова его любить. Поймите, нам ничего не надо. Когда мамуля рассказала мне об отце, она категорично сказала:

– Никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не открывай правду, Вадим хороший человек, он не слышал о твоём появлении на свет, уверен, что я тогда сделала аборт, и забыл об Ирине Соловьевой. Наш роман был скоротечный, Полканов мне ничего не обещал, замуж никогда не звал. Но, если б я заявила о младенце, принесла сверток в одеяле, сунула ему в руки и сказала: «Знакомься с дочкой», – Вадим мигом повел бы меня в загс.

Я не хотела такого поворота событий, поэтому разорвала наши отношения. Решение родить тебя я приняла в одностороннем порядке, без согласия отца, и мне одной нести за него ответственность. Красиво ли я буду выглядеть? Долгие годы молчала, а как только Вадим стал суперстар, прибежала с признанием?

Катюша перевела дух.

– Благородно, – бормотнула я, окинув взглядом совсем не дешёвые часы и модную одежду девочки.

Похоже, Ирина много зарабатывает и не экономит на дочке.

– Интервью меня напугало, – продолжала Катя, – Вадим Сергеевич мой отец, поэтому я обязана ему помочь. Он должен знать, что его мечта о дочери давно осуществилась, я жива, сижу перед ним. Мама по сию пору любит Вадима Сер-

геевича, если он хочет семью, то легко ее получит. Повторяю, нам его деньги не нужны. Я хочу спасти папу от самоубийства.

Вадим закашлялся, я растерялась, из кухни донеслись всхлипывания Лики, затем она воскликнула:

– Вечно мужикам везет! Не рожал, не кормил-поил-одевал, по ночам коляску не качал, в школу не провожал, сказки на ночь не читал, а какую хорошую доченьку получил. Сердечную! Ласковую! Умную! В институт поступит! Врачом станет! Вылечит его в старости! Не надо в район будет ездить в поликлинику, деньги тратить!

– Тут... ну... в общем... такое дело... – забормотал артист, – даже не знаю, как объяснить...

– Прямо! – закричала Елизавета, входя в столовую. – Не стоит мочалку жевать. Катерина, ты не можешь быть дочью Вадима! Вот, смотри!

Глава 5

Катя взяла в руки бланк, поданный Лизой.

– Читай вслух! – приказала пресс-секретарь.

– Анализ спермы Полканова Вадима Сергеевича, – огласила девочка и покраснела.

– Чего смущаешься? – ехидно осведомилась Лиза. – Заявилась со взрослым разговором, будь готова к взрослой реакции собеседников. Знаешь, как дети получаются?

Катя кивнула.

– Сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку. У меня по биологии пятерки, как и по остальным предметам, – промямлила она.

– Нам повезло, – издевательски произнесла пресс-секретарь. – Приятно иметь дело с умницей. Считается, что в отсутствии детей виновата женщина, но на самом деле очень часто это происходит по вине мужчины. Сперматозоиды у него малоподвижные или их недостаточно. Анализ, который ты держишь в руках, содержит слово «азооспермия», это означает, что господин Полканов ни при каких обстоятельствах не способен сделать ребенка. Невер! Ништь! Жамэ! Надеюсь, по иностранным языкам у тебя тоже «отлично», и ты поняла слово «никогда», произнесенное мной на дурном английском, немецком и французском. Я не полиглот, не получила хорошего образования, но научилась бороться с де-

вушками, которые называют себя дочерьми Вадима. Специально, чтобы не вести долгих бесед, мы сделали анализ. Если хочешь, подавай в суд, но предупреждаю, ты станешь посмешищем. Вадим не импотент, он сексуально активный мужчина, страстный любовник, но не отец. Способность к зачатию и умение трахаться – не связанные между собой вещи. Вадим, вероятно, имел твою мамашу в разных позах, но ты родилась от другого мужчины. Может, он был дворником, и Ирине стыдно признаться в связи с пролетарием метлы. Красивее соврать про Вадима.

Девочка заявила:

– Мама никогда не лжет.

Меня охватила жалость. Бедная Катюша! Лизе лучше замолчать и не добивать девочку.

Пресс-секретарь неожиданно улыбнулась.

– Пусть так. Госпожа Соловьева честна до глупости. Но тогда она откровенная б...

– Лиза! – предостерегающе воскликнула я. – Замолчи!

– С какой стати? – возмутилась Елизавета. – Девчонка сюда приперлась, довела Вадика до стресса, а я ее должна пирожным угостить? Пусть знает правду. Полканов не может иметь детей. Если ее мать утверждает обратное, она лгунья. Коли Катя точно уверена, что Ирина не способна врать, тогда ее мамашка одновременно жила с двумя мужиками, забеременела от дворника, но искренне полагает, что от Вадима. Со всех сторон засада. Либо мадам Соловьева прости-

тутка, либо баронесса Мюнхгаузен. Третьего не дано! Вуаля вам флэш-рояль!⁵

– Крутая фифа, – объявил Гектор. – Фина! Фина!

В столовую медленным шагом вступила собака. На ее широкой спине, свесив по бокам псины лапы, мирно спал кот Фолодя⁶. Сей представитель семейства кошачьих ленив до удивления, ему неохота передвигаться самостоятельно, поэтому он раскатывает на Афине. А собака размером с пони добра и толерантна, беспрекословно таскает тушу Фолоди. Как все бездельники, кот разъелся до весьма солидных размеров. Фине давно надо было огрызнуться и показать всем, кто в доме хозяин. Но в ее крови напрочь отсутствует гормон «озлобин», и, к сожалению, при рождении ей не отсыпали много ума. Фина соображает медленно и всегда слушается Гектора, который, кстати, любит сидеть у нее на макушке. Очень часто Афина служит скакуном сразу для обоих наглецов.

– Фина! Брысь! – приказал Гектор, который решил, что настала пора поиздеваться над подругой.

Собака, получившая два взаимоисключающих приказа, растерялась. Передние ее лапы начали исполнять последнее указание, они повернулись направо, зато задние действовали по старой схеме, шли вперед. Ее конечности заплелись

⁵ Одна из выигрышных комбинаций в карточной игре «покер».

⁶ Почему кот получил столь странное имя, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Тормоза для блудного мужа», издательство «Эксмо».

в клубок, и бедняжка шлепнулась на спину. Фолодя даже не вскрикнул, он молча предпринял попытку выползти из-под придавившей его Фины, потерпел неудачу и задремал в неудобной позе.

– Баррран тупой! – каркнул Гектор и вразвалочку удалился. Дома птица не летает, а ходит на двух когтистых лапах.

Я встряхнулась, Катя тоже пришла в себя и попыталась оправдаться:

– Но интервью в журнале! Вадим Сергеевич говорил о самоубийстве, одиночестве, мечте о дочери...

Лиза скривилась.

– Это промоакция.

– Что? – не поняла Катя.

– Материал готовился перед выходом фильма «Молодец среди овец», – без особой охоты пустилась в объяснения пресс-секретарь. – Если потенциальный зритель знает о каких-то проблемах главного героя, он охотнее покупает билеты. Беременность актрисы, развод, скандал с продюсером, даже элементарное ДТП, случившееся накануне премьеры, привлекают любопытных.

Катя указала подбородком на Вадима:

– То есть он врал, чтобы дураки отнесли деньги в кассу?

Я решила не лишать девочку всех иллюзий и успела ответить до того, как Лиза выпалила: «Да».

– Нет. Вадим Сергеевич честно рассказал о своем душевном состоянии. Он на самом деле ощущает одиночество, со-

зрел для создания семьи и хочет дочку. Но не будешь же на всю страну кричать о своем бесплодии? Артист мечтает о ребенке и понимает, что он у него никогда не родится. Ты очень хорошая девочка, у тебя добрая душа, но Вадим не имеет к тебе ни малейшего отношения.

Елизавета раскрыла рот, но я глянула на нее, и она промолчала.

– Ясно, – пробормотала Катя, – извините. Мне пора уходить.

– И побыстрее, – встрепенулась пресс-секретарь, – из-за тебя мы везде опоздали.

Я вышла вместе с Катей в холл.

– Значит, мама мне врала? – спросила девочка.

– Не сердись, – вздохнула я. – Вероятно, она была любовницей женатого мужчины и не хочет ему неприятностей. Многие одинокие матери выдумывают про мужа – изобретателя атомных подлодок, сотрудника внешней разведки или других героев, о смерти которых никак нельзя объявить во всеуслышанье: государственная тайна требует молчания. Твоя мама сказала про Полканова. Прости ей ложь, значит, у нее был повод так поступить.

– Она мне врала! – с подростковым упрямством повторила Катя.

– Взрослые не обязаны рассказывать детям всю правду о своей жизни, – сказала я, – моя подруга Вера случайно забеременела на студенческой вечеринке, там было много людей,

море алкоголя, из закуски карамельки, да и те скоро закончились. Вера по неопытности узнала о своей беременности поздно, аборт сделать уже не успела. И что она могла ответить на вопрос сынишки: «Кто мой папа?»

– Правду! – топнула ногой Катя.

Я пожала плечами.

– Какую? «Деточка, ты плод случайного секса с незнакомцем? Ни имени, ни фамилии его я не знаю, внешность по пьяни не запомнила?» Тебе хотелось бы услышать такую истину?

– Ну нет, – уже тише произнесла Катя. – И что придумала ваша подружка?

Я села на пуфик.

– Она поехала на кладбище, нашла там заброшенную могилу, поняла, что в ней лежат мать и сын, погибшие в автотрагедии, поставила им памятник, привела туда своего Юрочку и сообщила: «Твои папа и бабушка разбились на машине за пару месяцев до твоего появления на свет. Они бы тебя обожали! Но мы не хотели оформлять брак во время моей беременности, поэтому официально ты безотцовщина». Вера ухаживает за могилой, Юра вырос нормальным человеком, без психологических проблем. Кому плохо от такого вранья? Хочешь мой совет?

– Говорите, – согласилась Екатерина.

– Похоже, твоя мать нежно любит единственную дочь. Ты с ней больше об отце не заговаривай, – сказала я, – не при-

ставай с расспросами. Оставь все, как есть.

– Думаете, я случайный результат беспорядочного секса? – хмыкнула Катя и отступила к двери.

Я протянула ей визитку:

– Держи.

– Зачем? – равнодушно отреагировала девочка.

– Там все мои телефоны, домашний, мобильный, если понадобится, звони, – предложила я.

– Вот еще! – фыркнула Катя. – Сама разберусь.

Но все же взяла карточку, сунула ее в карман ветровки и ушла, забыв попрощаться.

Я уставилась на дверь. Забеременеть на тусовке – еще не самый неприятный вариант. Будешь тиранить мать, не желающую распространяться о деталях своей биографии, и узнаешь про изнасилование или папеньку-социопата, который мотает пожизненный срок на зоне за десяток садистских убийств. Сказали вам про геройски погибшего на задании шпиона? Успокойтесь и не ворошите прошлое. Некоторые секреты отбрасывают черные тени. Лучше не вытаскивать скелеты из шкафов. Надеюсь, у отличницы Кати хватит ума и такта не превратить в ад жизнь Ирины. Я-то понимаю Катюшу, меня воспитывала бабушка Афанасия, родители умерли, когда я была совсем маленькой. Об общении с мамой у меня остались обрывочные воспоминания, об отце вообще никаких. Правду я выяснила уже во взрослом возрасте⁷ и до сих

⁷ Об этом рассказано в книге Дарьи Донцовой «Легенда о трех мартышках»,

пор не понимаю: была ли она мне нужна?

Лиза выскочила в прихожую:

– Ушла?

– Девочка хотела помочь папе, – укоризненно произнесла я.

– Психопатка, – не согласилась Елизавета. – Не верю. Все ложь. Она приперлась, чтобы состричь с Вадика капусту.

– Маловероятно, – пробормотала я, – Катя не из нуждающихся.

– Знаешь, сколько я таких отвадила? – засмеялась пресс-секретарь, обувая туфли. – Первое время попадалась на их крючок, рассуждала, как ты. А потом разобралась! Девки берут шмотки у подруг, одалживают серьги и пытаются Вадика окучивать. Прикидываются журналистками, напрашиваются на интервью, притворяются медсестрами. Одна такая, когда Полканов в реабилитационный центр от усталости угодил, нанялась туда нянечкой. Целый день в его палате полы мыла. У всех этих дур один разговор: мне ничего не надо, ни денег, ни помощи, наоборот, я хочу вам услугу оказать. И выясняется: подавай им коробочку с обручальным колечком, веди в загс. Я тебя предупреждала о проблеме с фанатками? Вот, получай!

Я молча слушала Лизу, а та, уже стоя на пороге, воскликнула:

– Не верь никому. Можешь считать меня сволочью, но че-

рез неделю заговоришь, как я. Выпусти Афины в сад, пусть бегают и папарацци пугает.

– Их здесь нет, – вздохнула я.

– Будут, – пообещала Лиза, – не сомневайся. Афина страхолюдина, на ней не написано, что псина нежна, как майская роза. Пусть у журналюг поджилки затрясутся. Вели Лике никого в дом не пускать ни под каким видом. Газовщик придет трубы проверить, «Мосэнерго» подвалит счетчик смотреть, охрана захочет в особняк войти. Всех вон! Лесом! Иначе увидишь фотки в «Желтухе», и подписи тебя не обрадуют.

После отъезда Елизаветы и Вадика я еще некоторое время пошаталась по дому, потом оседлала металлического коня и направилась в центр Москвы. День был свободный, можно пошляться по магазинам.

Большинство женщин любит бегать за шмотками в компании подруг, а мне приятнее ходить за покупками в одиночестве. А еще в последнее время я перестала приобретать одежду в Москве. Предпочитаю одеваться и обуваться в Париже, там дешевле. Да, да, в столице Франции намного более щадящие цены. Там есть бутики, где за крохотную тряпочку попросят чемодан евро, но не надо заглядывать в подобные лавки. Есть много замечательных мест, где покупателя встретят с распростертыми объятиями, и вы уйдете с не сильно похудевшим кошельком, туго набитыми пакетами и с подарком. Два крупнейших парижских универмага «Принтам» и «Лафайет» находятся на расстоянии вытяну-

той руки друг от друга и старательно дерутся за покупателя. В «Лафайет» невероятный выбор обуви за смешные деньги, зато на четвертом этаже «Принтам» полно одежды от малоизвестных французских производителей, и стоит она не сотни, а десятки евро. На фешенебельной улице Сент-Оноре, где распахнули двери роскошные бутики от «Гермес», Дианы Фюрстенберг и Миу-Миу, есть симпатичные лавочки «Сандро» и «Мейдж». Вот уж где рай для шопоголика! Советую прогуляться по району Сен-Жермен, пройти по одноименному бульвару, заглянуть в крохотные, прилегающие к нему переулочки, там вы найдете абсолютно все. И, пожалуйста, не посещайте кафе на Елисейских Полях или в зоне Больших бульваров. Это туристические районы, там готовят невкусно. Идите в Латинский квартал, в тот же Сен-Жермен. А лучшая, на мой взгляд, кондитерская – в минуте ходьбы от метро «Одеон», в арке дома, где когда-то жил врач, придумавший гильотину. Чтобы попасть в крохотное, совершенно не пафосное заведение, о котором известно лишь своим, вам придется миновать ресторан «Прокоп», тот самый, в котором с середины двадцатого века собиралась парижская интеллигенция. «Прокоп» упомянут во всех гидах, говорится о нем исключительно в превосходной степени. Так вот, не рвитесь туда, не тратьте зря деньги. Сейчас там плохое обслуживание и невкусная еда. Спуститесь вниз по булыжной мостовой и загляните в любой другой увиденный на пути трактир. Избегайте мест скопления туристов, и вы не оши-

бетесь. Бойтесь, что не сможете договориться с продавцом или официантом, не владеете иностранными языками? Не стоит нервничать. Все крупные магазины давно обзавелись продавцами, бойко щебечущими по-русски, а в крохотном бутике владелец, сообразив, что вы прибыли из России, тут же заявит:

– Спасибо! Здравсти!

А потом приложит все силы, чтобы вы не ушли без покупки.

Один раз в крохотной харчевне я видела, как официант притащил с кухни тушку сырой курицы и методом тыка объяснил двум дамам то ли из Чехии, то ли из Словакии, из какой части цыпы им приготовят котлеты. И все остались довольны.

Пару часов я толкалась по разным магазинам, накупила книг, потом съездила в салон, сделала маникюр, раз пять выпила чаю с пирожными и не заметила, как наступил вечер. Домой! Впереди приятные часы с новым телесериалом, весьма удачно приобретенным на Горбушке. Но не успела я сесть в машину, как ожил мобильный. Номер звонившего был мне неизвестен, он не содержался в списке контактов, но я ни от кого не прячусь, поэтому спокойно сказала:

– Слушаю.

– Тетя Даша? – спросил сквозь треск тихий голосок.

Меня охватило удивление. Когда-то очень давно Машкины ближайšie друзья, Саша Хейфец и Денис, звали меня

так, но сейчас они давно выросли и отбросили слово «тетя». Вероятно, кто-то ошибся номером, Дарья – довольно распространенное имя.

– Тетя Даша? – повторила незнакомка.

– Дарья Васильева, – на всякий случай уточнила я. – А вы кто?

– Екатерина Соловьева, – ответила девочка. – Сегодня я приезжала в Ложкино. Помните?

Глава 6

– Ну конечно, – воскликнула я. – Что-то случилось?

Катя шмыгнула носом.

– Мама пропала.

– То есть как пропала? – воскликнула я.

– Ушла и не вернулась, – слишком громко произнесла моя собеседница, и я поняла, что она с трудом сдерживает слезы, – ее до сих пор нет.

– Еще не поздно, – попыталась я успокоить девочку, – вероятно, она на работе задержалась.

– У мамы сегодня выходной, – воскликнула Катерина. – Мне страшно.

Из трубки донеслось сопение, шуршание, потом снова прорезался голосок.

– Ладно, простите, не знаю, зачем позвонила, больше не буду.

– Ты сейчас где? – перебила я Катю.

– Дома, на кухне, – ответила девочка.

– Диктуй адрес, – велела я.

Катя с плохо скрытой радостью быстро назвала улицу и номер дома, я включила навигатор и отпустила педаль газа.

Жизнь в столице имеет много хороших сторон. Здесь легче найти работу, чем в провинции, поступить в институт, попасть к хорошему врачу, снять удобную квартиру. В боль-

шом городе сплетничать о тебе станут лишь коллеги по работе и знакомые, остальным жителям до тебя нет дела. Но в Москве, например, многокилометровые пробки. Никогда нельзя угадать, сколько времени уйдет на дорогу. Иногда, правда, случаются приятные сюрпризы, вот как сегодня. Совершенно неожиданно я долетела до дома Кати меньше чем за тридцать минут.

– Мама вернулась? – спросила я, когда девочка распахнула дверь.

Катя помотала головой.

– Неа. Входите, сейчас дам вам тапочки.

Я переобулась и отправилась вслед за ней на кухню. Маленькая стандартная квартира была очень уютной. Сразу стало понятно: Ирина с любовью вила гнездо. На крохотной кухоньке царили чистота и порядок, каждый сантиметр пространства хозяйка использовала со смыслом. Стол имел откидную доску, на подоконнике выстроились в ряд электрочайник, тостер и СВЧ-печка, над шкафчиками, нависшими над мойкой и разделочным столиком, открытые полки, на них красовалась утварь, которой Ирина пользовалась не каждый день: большая ярко-красная утятница, казан и многолитровая кастрюля для холодца.

Катя деловито заварила чай, поставила в центр стола коробку шоколадных конфет и предложила:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Почему ты решила, что

твоя мама пропала?

– Она жаворонок, всегда встает в шесть, – сказала Катя. – Если не работает, ложится не позже десяти. Сегодня мама дома, они с Еленой Михайловной меняются. Допустим, понедельник-вторник мама в кафе управляется, среду-четверг подруга, затем...

– Понятно, – остановила я девочку, – скользящий график. Ирине положено уже лежать в кровати.

Катя кивнула.

– А она где-то бродит.

– Вероятно, отправилась к подруге, – предположила я. – Заболталась и сейчас спешит в родные пенаты. Звякни ей на мобильный.

– Сто раз звонила, – всхлипнула Катя. – Телефон отключен. Мама никогда не отсоединяет сотовый. И мне не разрешает, постоянно говорит: «Я должна знать, что с тобой все в порядке». Мама исчезла!

– Спокойно, – чуть громче, чем следовало, произнесла я. – Давай не впадать в панику. Почему сразу «исчезла»?

– Телефон, – простонала Катя.

– Его могли украсть, – попыталась я найти разумное объяснение. – Вытащили из сумки, выбросили сим-карту, это рядовое происшествие. Попытайся вспомнить, что собиралась сегодня делать Ирина?

Катюша потерла ладонью лоб.

– Ничего!

Я улыбнулась.

– Просто лежать в постели и разглядывать потолок?

– Нет, – чуть веселее ответила девочка. – Она хотела перегладить кучу белья, приготовить на два дня еду, пропылесосить.

– Хорошо, – кивнула я, – Ирина не планировала покидать квартиру. А ты как проводила время?

Катя опустила голову.

– Сами знаете. В Ложкино поехала.

– Смею предположить, что твоя мать понятия не имела о предстоящем свидании с Полкановым. Так? – на всякий случай уточнила я.

Катя насупилась.

– Ага. Я прогуляла школу. Первый раз. Никогда не отлыниваю от учебы.

– Ну, я вот не была отличницей, как ты, могла сбежать с уроков в кино, – усмехнулась я, – поэтому не стану читать тебе лекцию о необходимости посещать занятия. Когда ты вернулась, где была мама?

Катя ответила:

– На кухне, готовила голубцы.

– А потом ушла?

Девочка кивнула.

Я покосилась на кастрюлю, стоявшую на плите:

– Обожаю голубцы. Угости меня, если не жаль.

Девочка сгорбилась.

– Голубцы сырые. Мама их скрутила, сложила в чугунок, но не потушила.

– Можно посмотреть? – спросила я, не дожидаясь ответа, встала и подняла крышку. – Действительно, еда не готова. По какой причине Ира второпях умчалась из дома? Ей позвонили?

Катя помотала головой и прошептала:

– Нет.

– Кто-то зашел? – предположила я. – Соседка? Подруга?

– У мамы нет друзей, – с усилием произнесла Катюша. – Ей некогда тусоваться, она работает, устает очень, у нее постоянно голова болит, мигрень замучила.

Я снова села на табуретку.

– Катя, что случилось? Вы поссорились? Расскажи правду. Если хозяйка, планировавшая весь день провести дома, уносится прочь, не позаботившись приготовить голубцы, которые она самозабвенно крутила, значит, дело срочное.

Катерина откашлялась.

– Я вернулась и спросила: «Разве можно обманывать человека? Вадим Полканов не способен иметь детей, я видела его анализ. Это медицински доказанный факт».

– Так, – протянула я, – продолжай, пожалуйста, с этого момента поподробнее.

Десяти минут хватило, чтобы понять, как разворачивались события в семье Соловьевых.

Катерина уехала из Ложкина, приняв решение не ссорить-

ся с мамой. Если та ее обманула, значит, на это были веские причины. Катя очень любит мать, бережет ее и готова простить ей вранье. Но во время неблизкого пути из Подмоскovie до дома Катя изменила решение. Чем дольше девочка размышляла о поведении мамы, тем сильнее оно ее бесило. Катюша приехала домой в состоянии озлобления и сразу обрушила на мать град упреков. Ира не ожидала атаки, растерялась, бормотала глупости, вроде:

– Доченька, ты перепутала адрес, разговаривала не с тем артистом.

Но Катя вытащила мобильный и сунула лгунье под нос:

– Полюбуйся, я снята рядом с Полкановым, внизу день и час, когда сделали фото.

– Катерина! – ахнула мама. – Ты пропустила занятия!

Последнее замечание взбесило Катю, и она вывалила на бедную Иру ушат обвинений, завершив их фразой:

– Я не просила меня рожать. Но если уж я появилась на свет, то имею полное право знать, от какого отца. Твои отношения с ним мне не интересны. Но он мой папа. Немедленно назови его имя.

– Не могу, – вдруг сказала Ира. – Этот человек женат, он очень известен в России, ему скандал навредит.

– Так же, как Вадиму? – зашипела Катя. – Наврешь теперь, что трахалась с певцом-циркачом-телеведущим? Не пытайся, не поверю.

– Извини за Полканова, – почти спокойно произнесла

Ирина, – он был первым, кто пришел мне в голову. Ты сильно давила, я и ляпнула про него. Только что сериал с Полкановым смотрела, вот и пришло на ум. Я полагала, ты успокоишься.

– Почему меня твои слова не удивляют? – издевательски засмеялась Катя. – Ты понадеялась, что я не прорвусь к звезде? Охрана притормозит дурочку? Запрягусь ему емейлы писать, а на них секретарь отвечает? Ошибочка вышла, ложь раскрылась. Вываливай правду! Не смей мне врать.

– Не хами матери, – приказала Ирина.

– Не обманывай дочь, – воскликнула Катя. – Не хочу больше слушать про крутую знаменитость. Знаю, кто мой отец!

Ирина шагнула к окну.

– Знаешь? Откуда?

Катя поняла, что мать испугана, и решила добить ее:

– На студенческой вечеринке ты перетрахалась со всеми без разбора, поэтому сейчас и выдумываешь про звезд. Стыдно правду сказать: «Я б...».

Выпалив матерное слово, Катюша поняла, что перегнула палку. Сейчас мама придет в негодование, и мало дочери не покажется. Но Ирина отреагировала иначе:

– Катюша! Сколько мне лет?

– Сорок пять, – удивленно ответила девочка, которая не ожидала этого вопроса.

– А тебе тринадцать, – воскликнула Ирина, – посчитай-ка, сколько мне стукнуло на момент твоего рождения?

– Тридцать два, – протянула Катюша.

– Поздновато для студенческих гулянок, – сказала Ира. – Диплом я получила десятью годами раньше, но после твоего рождения не работала по специальности, пошла в ресторан официанткой. Ты не задумывалась, почему я бегаю с подносом?

– Нет, – после колебания ответила Катя.

Ирина села на диван.

– Это простая история. Я работала учительницей в школе, преподавала географию. Те, кто дает знания детям по основным предметам: русский язык, математика, английский, – зарабатывают на жизнь репетиторством. Но кому нужна география? Я очень хотела выйти замуж, родить дочку. Только в школах в основном работает бабье, из мужчин физрук да трудовик, выбирать не из кого. Не на улице же знакомиться.

– Можно в клуб пойти, – перебила Катя, – в Интернете пошариться.

Ира усмехнулась.

– Детка, я начала работать в конце восьмидесятых. Всемирная сеть и клубы тогда еще не были общедоступны. Я тянула ляжку, тянула, а потом поняла: время уходит. Мужа можно найти и после сорока. Но если я сейчас не рожу, поезд уйдет.

Ирина встала, отвернулась к окну и продолжила рассказ.

Поскольку никаких лиц мужского пола в школе не наблюдалось, она начала искать того, от кого можно забеременеть.

В конце концов выбор пал на одного родителя, женатого человека, чей сын учился у Иры. Ну какой мужик откажется от симпатичной женщины, если та откровенно строит ему глазки? Ирина не собиралась уводить чужого супруга, она действовала из другого расчета. «Донор» был хорош собой, воспитан, имел высшее образование, выглядел здоровым. Его сын отлично учился, не болел, значит, получил от отца нормальные гены.

Забеременев, Ирина тут же порвала с кавалером отношения, разошлись они по обоюдному согласию. Но учительница осталась на прежнем месте работы, а живот не скрыть. Спустя положенный срок фигура Соловьевой изменилась, любовник испугался и примчался к ней с разговором.

Будущая мать успокоила его. Ребенок будет только ее, она никогда не потребует алиментов, не явится к нему домой с пищащим кульком, не устроит скандала на службе. Свое слово Соловьева сдержала. Просидев полгода с младенцем в декретном отпуске, Ира была вынуждена искать другую работу. Причина весьма тривиальная: деньги. В школе мало платили, надо было ходить на уроки ежедневно, отдавать Катюшу в ясли Ира не хотела. А потом подвернулось место официантки в трактире «Теленок». Оклад плюс чаевые, работа сменная – ее устраивало все. Ирочка наняла няню и начала карьеру официантки.

Спустя несколько лет отец Кати разбогател, позвонил бывшей любовнице и предложил ей помощь. Встретаться с

девочкой бизнесмен не собирался, но деньги на ее содержание и образование с той поры дает исправно. Вот такая история.

Катя с недоверием отнеслась к откровениям матери.

– Отец нам отстегивает рубли?

Ирина кивнула.

– У тебя модная одежда, украшения, компьютер, айфон, кредитка. Летом ты едешь в Англию, учишь там на курсах язык, в августе мы непременно отдыхаем на море. И едим с тобой не абы что, я хожу в дорогой супермаркет. Откуда деньги?

– Ты зарабатываешь, – растерялась Катя, – управляешь рестораном.

– «Фасоль» популярное заведение, – кивнула Ирина, – я там главная над персоналом, но не владелица, а наемный работник. Моего оклада хватает на еду и коммунальные услуги. Остальное от твоего отца.

– Как его зовут? Говори, – потребовала Катя.

– Нет, – твердо ответила Ирина, – я ему обещала не раскрывать тайну. Сейчас он очень высоко взлетел, планирует политическую карьеру, скандал повредит его продвижению. Не дай бог газетчики о нас пронюхают! Я не имею права подвести человека, который по отношению к нам всегда был порядочен и щедр.

И тут Катей снова овладела ярость. Девочка швырнула на пол пару чашек, растоптала осколки и заорала на мать:

– Ты лохушка! По закону ребенку положено платить алименты! Двадцать пять процентов от всех заработков! Интересно, его сын пешком ходит, а? А жена? Из кого у нее шуба? Чего он скрывается? Кидает нам огрызки, а ты радуешься: получила дура ботву от морковки! Назови его имя! Не хочешь? Я сама узнаю! Поеду в твою школу, возьму классный журнал за год до моего рождения, выпишу всех мальчишек, обойду их родителей...

Внезапно Катя осеклась:

– Мама, ты мне соврала! Мой отец не из родителей твоих учеников, да? Ты продолжаешь лгать? Я из окна выброшусь! Вот прямо сейчас!

Ирина схватила ее за плечи.

– Слушай! Я поеду, поговорю с твоим отцом, а когда вернусь, честно расскажу, кто он.

Из Катюши словно вынули батарейку, у нее хватило сил лишь на фразу:

– Слабо в это верится, ты просто сказочница.

Ира обняла дочь.

– Твой отец всегда на виду, я не могу не предупредить его, что открываю тайну твоего рождения. Спрашивать разрешения на откровенный разговор не буду, но не имею права оставить его в неведении. У него семья. Вернусь часам к шести вечера. Будь умницей, сделай уроки, успокойся, посмотри кино. Господи, как у меня голова болит! Прямо раскалывается.

От переживаний у Катерины тоже начала болеть голова. Когда мама убежала, девочка легла в кровать и провалилась в сон. Очнулась в семь, удивилась отсутствию матери, в восемь заволновалась, в девять поняла, что случилось несчастье. Около десяти позвонила мне. Больше ей обратиться не к кому. У Ирины нет ни подруг, ни родственников. У Кати есть двое близких друзей, но разве они могут дать совет в такой ситуации?

Глава 7

Мне очень хотелось упрекнуть Катю: «Ведь я просила тебя не закатывать матери истерик, советовала удержаться от выяснения отношений». Но какой смысл ругать подростка, когда он уже навалил глупостей? Поэтому я спросила:

– У твоей мамы точно нет подруг?

– За всю жизнь ни одной не видела, – мрачно подтвердила Катя и всхлипнула. – Мне надо взять платок, он в детской.

Я пошла с нею и очутилась в просторной комнате, набитой игрушками и книгами. На столе стоял компьютер, музыкальный центр – на полке. На спинке кресла лежал не очень новый коврик с изображением утенка. Он был странным: перья интенсивно красного цвета, клюв синий, лапы зеленые.

Катя схватила коврик и прижала к груди, потом вернула на место.

– Странный у тебя носовой платок, – сказала я.

– Коврик у меня с детства, – пояснила девочка, – он волшебный, если я волнуюсь, стоит его в руках подержать, и я сразу успокаиваюсь. Мама говорила, что пыталась его выбросить, но я так орала, что ей пришлось идти на помойку и принести его назад. Я того случая не помню, но коврик всегда меня утешает. Возьму его в руки, постою – и опять в порядке.

Мы вернулись на кухню. Я решила не сдаваться.

– Кто к вам в гости ходит?

Катюша начала загибать пальцы.

– Соня, Сережа, Нина, Вера, еще Оля, она меня на год младше, но не дура.

– Я имела в виду не твоих друзей, а маминых, – остановила я девочку.

– Тогда никто, – пожала плечами Катя.

– У Ирины есть кавалер? – заехала я с другой стороны.

Девочка засмеялась.

– В ее-то возрасте? Неа.

Я подавила вздох. Сорокапятилетняя Ирина кажется девятикласснице древней старухой.

– С кем мама беседует по телефону?

Катерина пожала плечами.

– Ну... ни с кем.

– Говори ее рабочий, – не отставала я.

– Не знаю его, всегда ей на мобильный эсэмэски шлю, – протянула Катя.

– Адрес «Фасоли», – потребовала я и услышала очередное:

– Не знаю, никогда там не была.

– Ты не приезжала к матери на службу?

– Нет, а зачем? – удивилась Катя.

– Просто так, посмотреть, где она работает, – вздохнула я. – А соседи? С кем мама общается?

Последовал стандартный ответ:

– Не знаю, ни с кем.

Я попыталась выбить хоть какую-нибудь информацию об Ирине:

– Сколько лет вы тут живете?

– Всегда, – шмыгнула носом Ира, – с рождения.

– На торце здания более темными кирпичами выложена цифра «2000». Иногда строители отмечают таким образом год окончания работ по возведению дома. Значит, ваша семья обитает тут более десяти лет. Ты, естественно, не помнишь квартиру, куда тебя принесли из роддома, была слишком мала тогда. Но, наверное, Ирина рассказывала о своем прошлом?

– Нет, не знаю, – проныла Катя.

Я разозлилась:

– Тебе хоть что-нибудь о матери известно? Слова «не знаю» мне уже надоели.

– Мама готовит, убирает, ходит на работу, – прошептала Катя и расплакалась.

Я обняла девочку, начала гладить ее по голове. Все правильно. «Мама готовит, убирает, ходит на работу». Кате повезло, кое-кто из подростков добавит к этому списку ряд других глаголов: занудничает, кричит, обзывается, злится. Редкие дети исчерпывающе отвечают на простые вопросы: что печалит маму? Ну, если забыть про двойки, вызовы к директору и нежелание отпрыска учить английский. Что беспокоит? Чего она боится? О чем мечтает? Какой была в юном

возрасте? Какие совершила ошибки? Мама ведь человек, а не помесь кухонного комбайна с пылесосом и стиральной машиной, но чаще всего этот человек детям абсолютно не знаком.

Я разжала объятия.

– У вас же есть фотоальбомы?

Катя обрадовалась смене темы разговора.

– До фига.

– Неси! – приказала я и достала из сумочки мобильный.

Семен ответил мгновенно. Сначала из трубки донесся далекий гул голосов, затем тихая музыка, характерное позвякивание, и раздался баритон:

– Владелец агентства «Поиск» Соб у аппарата.

Я усмехнулась. Фамилия у Сени Собачкин, на мой вкус, очень милая, но парень предпочитает короткое «Соб». Сеня постоянно влюбляется. Он не отвязный Дон Жуан – Казанова, который соблазняет женщин из спортивного интереса, а потом рисует «звездочки» на парадной двери своего дома. Нет, Сенечка лирический герой, Ромео, до секса у него дело часто не доходит. Собачкин очаровывается почти каждой встреченной дамой, неделю ухаживает за Джульеттой, потом натывается на новый объект, забывает про старый, и так постоянно. Одно время даже я, совершенно не подходящая Собачкину ни по возрасту, ни по менталитету, стала его героиней. Кажется, любовь Сени к Дашутке длилась... э... дай бог памяти... дней пять. Теперь мы друзья, иногда я обращаюсь

к нему за помощью, иногда он ко мне. Кстати, Сеня роскошно готовит и живет неподалеку от Ложкина. Я беззастенчиво пользуюсь его хлебосольством, пару раз в неделю непременно зарулю к Семену и Кузе, слопаю ужин и уеду, упрекая себя в обжорстве. Кто такой Кузя? Ближайший друг и компаньон Собачкина, его полная противоположность. Сеня говорлив, суетлив, способен мгновенно обидеться, простить вас и снова разозлиться. Весь процесс займет у него полминуты. Собачкин гениальный переговорщик, он легко убедит бедуина, живущего в пустыне, купить гидрокостюм для подводного плавания и хоккейные коньки в придачу. Любая представительница женского пола от шести до девяносто семи лет помчится исполнять его просьбу, загипсованный больной ради Собачкина согласится поучаствовать в марафоне, а водолаз прыгнет с парашютом. Сеня знает огромное количество людей, у него вечно трезвонят три мобильных, он дает деньги в долг, забывает, кому ссудил, и страшно удивляется, когда сумма возвращается обратно. Кстати, ему всегда приносят долг. Почему? Не спрашивайте, не знаю. Любой человек, с которым Сеня пообщался более пяти минут, зачисляется им в друзья, Собачкин ради него вскочит ночью с постели и помчится в Тульскую область, дабы вытащить тачку приятеля, застрявшую в канаве. Сеня безалаберен, он обожает глупые шутки. Первое, что видит человек, вошедший в дом Соба, – это длинную лестницу, уходящую в очень глубокий подвал. Я знаю, что в холле обычный пол, ступеньки изображены на

нем в особой «голографической» манере, и тем не менее покрываюсь холодным потом, когда на подкосившихся ногах иду в жилую часть дома. Остается лишь удивляться, каким образом Сеня ухитряется быть лучшим специалистом по розыску пропавших людей. Даже если вы попросите его отыскать человека, который исчез пятьдесят лет назад при невыясненных обстоятельствах, Сеня эти самые обстоятельства прояснит. Он гений.

Кузя другой. Большую часть суток он проводит, уткнувшись в монитор, и за весь день может сказать пару слов или вообще ничего. Женщин он опасается, с холостяцкой жизнью расставаться не хочет, не одобряет, как сам говорит, «обезьяньих замашек» Соба и мечтает выгнать из дома армию людей, которая постоянно толчется в гостиной и столовой. Кузя виртуозно владеет компьютером, он в курсе всех новинок, которые еще не дошли до потребителя, и может нарыть в Интернете любую информацию. Остается лишь удивляться тому, что молодые мужчины живут в одном коттедже и никогда не ссорятся.

– Соб слушает! – повторил Сеня. – Говорите, не тормозите!

– Судя по голосу, ты проводишь время в компании очередной любовницы? – предположила я. – И разве твое агентство называется «Поиск»? У него же нет вывески!

– Я завален работой по горло, – невпопад ответил Собачкин. – Еле-еле выкроил секундочку на кофеек.

– Бедненький, – лицемерно пожалела я Сеню. – А где у нас Кузя? Мне нужны его компьютерные таланты.

– Что тебе надо? – полюбопытствовал Собачкин.

Очень хорошо, что я поймала Семена в компании с очередной Джульеттой. Сейчас Собу захочется произвести выгодное впечатление на даму, и он в два счета выполнит мою просьбу, не станет ныть и вспоминать про загруженность. Нажму еще на одну педаль и тогда точно получу необходимое.

– Спасибо, дорогой, но дело сложное, лучше мне обратиться к Кузе, ты ведь не носишь с собой ноутбук.

– Обалдеть! – возмутился Сеня. – Да я сплю с ним! Из рук не выпускаю! Давай, говори скорей, я гений сети.

А еще отчаянный хвостун и павлин! Но мне желание Собачкина распушить хвост перед новой девушкой на руку. Говорят, нехорошо манипулировать людьми, но иногда умение дернуть за нужные веревочки бывает весьма полезным.

– Ирина Алексеевна Соловьева, сорок пять лет, – затараторила я, – управляющая рестораном «Фасоль», мне известен ее нынешний адрес, вышлю его тебе эсэмэской.

– Что тебе конкретно надо? – поторопил меня Собачкин.

– Все! – алчно воскликнула я. – Любую информацию. Контакты, родители, состав семьи, бывшие мужья, дети, прежние места работы, детали биографии.

– Ок, я жду сообщения, – выпалил Семен и отсоединился.

Я успела отослать ему название улицы, номер дома и квар-

тиры семьи Соловьевых до того, как на кухню со стопкой альбомов вернулась Катя.

– Мама снимки аккуратно раскладывает, – произнесла девочка. – Это мы на море, на даче, вот мой день рождения в кафе.

Я начала перелистывать картонные страницы. Ирина на самом деле методична. На каждом форзаце есть надпись. Допустим: «Лето 2008 г. Египет, август 13–28-е числа». И любуйтесь на кадры, которые запечатлели Катюшу в бассейне, на берегу моря, около верблюда, в магазине сувениров. Главной героиней всех съемок является девочка, изображение матери мелькает редко, Ирина почти всегда одна, порой вместе с Катей и никогда с другими людьми.

– Меня больше всего интересуют снимки вашего выхода из роддома. Где они? – спросила я.

– Их нет, – сказала Катя.

– Вот странно, – удивилась я, – обычно матери трепетно относятся к фотографиям, где стоят с конвертом с младенцем в руках.

Катюша почесала нос.

– Я один раз спросила, где мои совсем детские фотки, да и мамины тоже. Хотелось на бабушек-дедушек посмотреть. А она сказала, что все документы погибли при пожаре, ей потом пришлось восстанавливать свой паспорт, мою метрику.

– Да, жаль, – протянула я, – снимков не вернуть.

– Точно, – вздохнула Катя, – так я бабушку с дедушкой и

не увидела. Они до моего рождения умерли.

– Знаешь, где они работали? – поинтересовалась я.

– Неа, – призналась Катя, – мама о них ничего не рассказывает. Думаю, она с родителями поругалась и убежала от них. Но мне правду не говорит, чтобы плохой пример не подавать. Родители обожают себя приукрасить, их послушать, так они в детстве на крыльях летали. У меня подружка есть, Оля Шмакова. Ее отец за каждую четверку ремнем лупил и орал:

– Дура! В кого такой тупой лентяйкой уродилась! Я учился на «отлично», родителям с десяти лет помогал, газеты до занятий разносил, деньги с пеленок в дом притаскивал.

Олька ему верила, а потом ее предки ремонт затеяли, снимали с антресолей древние чемоданы эпохи динозавров, и Шмакова в хламе отцовский дневник за десятый класс нашла. Вау! Там одни колы, замечаниями даже обложка исписана. Ольга ему дневничок показала и пригрозила:

– Еще раз меня пальцем тронешь, пойду к нашему директору, покажу ему вот это и про побои сообщу.

Зачем взрослые лгут?

– Понимают, что в молодости натворили много глупостей, и хотят удержать детей от опрометчивых шагов, – ответила я, – желают им счастья.

Звонок мобильного прозвучал так громко, что я вздрогнула и схватила трубку.

– Соловьева Ирина Алексеевна, москвичка, ранее прожи-

вала на Миусской площади, на задах улицы Горького. Отец Алексей Михайлович, авиаконструктор, доктор наук, профессор. Мать Ариадна Олеговна, чертежница, работала вместе с мужем. Бабушка, мать отца, Кира Алексеевна, поэтесса, скончалась в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, через двенадцать месяцев после первой посадки Ирины.

Последняя фраза прозвучала настолько дико, что я переспросила:

– После чего?

– Ирина Алексеевна была осуждена в марте восемьдесят третьего за воровство. Отсидела два года. В восемьдесят шестом снова попала на зону по обвинению в нанесении телесных повреждений, повлекших за собой большой ущерб здоровью, – бубнил Семен. – На сей раз, учитывая рецидив, ей вломили много. Ира шила брезентовые рукавицы в Мордовии до восемьдесят девятого.

Я, стараясь не измениться в лице, слушала Семена. Вот тебе и учительница географии, тихая скромная женщина, решившая родить девочку от чужого мужа! Кате ни в коем случае нельзя знать даже крупницу правды.

– Эй, отреагируй, – потребовал Сеня, – подай гудок. Создалось впечатление, что я беседую с неймой.

Я справилась с замешательством.

– Слышно прекрасно. Я нахожусь в компании Кати, тринадцатилетней дочери Ирины. Соловьева вовремя не вернулась домой, девочка нервничает. Я подумала, что ее мать за-

держалась у родственников. Но Катя ничего не знает ни о бабушке, ни о дедушке, их фото нет, они погибли в пожаре. Снимки, а не старики. Катюша лишь сообщила, что мама до ее появления на свет работала в школе учительницей географии.

Собачкин чихнул прямо в трубку.

– Круто! Надеюсь, ты не включила громкую связь?

– Не догадалась, – буркнула я, – давай без вопросов. Что еще у тебя есть?

– К школе такую козу на километр подпускать нельзя, – загудел Семен. – Научит первоклашек добру. Высшего образования у Ирины нет, географию она постигала, разъезжая по России в спецвагоне для эков. Ей попалась отличная мать. Когда дочь отпускали, она всякий раз в своей квартире ее прописывала, небось надеялась, что Ирочка ума наберется. Ан нет, не в медведя конфетка! Девяносто первый год у Ирины ознаменовался новой посадкой, она торговала с лотка газетами на площади. Там завязалась драка, в которой убили гражданина Звягина Юрия Николаевича. Народу махалось много, но экспертиза доказала, что решающий удар ножом нанесла Ирина. И укатила наша красотка на двенадцать годков в солнечную Республику Коми. Но вот тебе фокус! В тысяча девятьсот девяносто девятом она была прописана в коммуналке на улице Щелкина.

– Что-то не сходится, – пробормотала я. – Ты, часом, не перепутал гражданок? Может, о другой Соловьевой сейчас

рассказываешь?

– А ты, часом, не перепутала адрес нужной тебе бабы в эсэмэске, которую мне отправила? – разозлился Собачкин. – Может, не то название улицы написала?

– Нет, – ответила я.

– Ну и я нет, – отрезал Сеня. – Смотрю биографию тетки, чьи координаты от тебя получил.

– Человек не может оказаться одновременно в двух местах, или курорт, или Москва, – пробормотала я, глядя на Катю.

– Зона не курорт, – не понял Собачкин.

– Да, да, Катя мне чай предложила, – невпопад сказала я.

– Тьфу, забыл, – воскликнул Сеня. – Соловьева могла выйти по условно-досрочному освобождению. Хотя нет, надо отсидеть три четверти срока. Так что раньше двухтысячного Ирина за ворота зоны не могла шагнуть. Слушай, может, она таки освободилась в миллениум?

– Нет, – возразила я. – Катя появилась на свет в девяносто восьмом.

– Импосибл! – щегольнул знанием английского Соб. – Никаких детей у ээчки нет. Ни одного упоминания о дочери ни в каких документах.

– М-м-м, – промычала я. – В бумагах путаница! Архив затопило! Такое случается! Вот беда!

– Поговори с матерью Ирины, – посоветовал Соб, – с бабушкой Кати.

– Она жива! – ахнула я.

– Почему нет? – удивился Семен. – Ариадне Олеговне всего шестьдесят три года, по нынешним понятиям она еще невеста. Живет в прежней квартире на улице Горького. Сейчас вышлю адрес.

Глава 8

– Да, спасибо за идею, – воскликнула я. – А что было потом? Ну... когда... закончилось то... что началось в конце девяностых.

– Хорошо, когда человек умен и догадлив, как я, – не упустил возможности похвалить себя Сеня. – Ирина прописалась по новому адресу, в коммуналке. На улице Щелкина она появилась в тысяча девятьсот девяносто девятом. Похоже, Ариадне Олеговне надоело давать приют беспутной дочери, она ее к себе в очередной раз прописывать не стала. И я ее отлично понимаю: сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит. Я бы тоже уголовницу послал подальше. Вот только неясно, каким образом Ирина метры в коммуналке получила. Прямо сказочная история, похоже, кто-то ей наворожил. Может, мать родная? К себе криминальное дитяtko оформлять не захотела, но нажала на нужные педали, и опаньки, наша Ира имеет крышу над непутевой головой. Но дальше больше. Через двенадцать месяцев Ира приобретает отдельную жилплощадь, ту самую, адрес которой я от тебя получил. И с той поры, вот уже больше десяти лет, Соловьева добропорядочная гражданка, никаких правонарушений за ней не числится. Хотя постой-ка! Катерина...

– А с ней что? – поинтересовалась я.

– Катя приехала с матерью в отдельную квартиру, – про-

тянул Сеня, – зарегистрирована честь по чести в домовоей книге. Но откуда она взялась?

– Хранится в столе у паспортистки или начальника ДЭ-За, – ответила я.

– Не книга, а девочка, – уточнил Собачкин. – Катерине на момент регистрации в двушке исполнилось два года. Но со старого места жительства Ирина выписывалась одна, никаких упоминаний о ребенке нет.

– Наверное, в домоуправлении напутали или во время пожара часть документов сгорела, – предположила я. – Кстати, у Соловьевой тогда пропали семейные фотоальбомы, не осталось ни одного снимка крошечной Кати, не сохранились памятные кадры выписки девочки из роддома.

Семен откашлялся.

– Ирина жила в коммуналке, в доме гостиничного типа. Представляешь, как выглядит такая халабуда?

– Десятиметровая комната, коридор с двадцатью дверьми, кухня с одной плитой и раковиной размером с чашку, санузел без ванной: один унитаз, – ответила я. – Те, кто придумал подобные хоромы, сами должны в них до конца своей жизни ютиться. Там даже хомячку тесно.

– Дом стоит по сию пору, – перебил меня Собачкин. – Но теперь это отель, здание купил «Фонд Макс», он же и расселял жильцов в двухтысячном году.

– Соловьева на тот момент уже уехала? – спросила я.

– Точно, – буркнул Собачкин, – но не о том речь. Ниче-

го не горело. Не было там никаких пожаров. Ты думаешь о том же, о чем и я? Вероятно, Ирочка в своей комнатухе уронила свечку, а та ну крайне удачно угодила на фотографии с документами. Фрр! Усе и погорело. Но само здание никогда не страдало от огня, документация жива. Жильцы в доме менялись быстро, прописывались – выписывались, одна комната могла за год трех владельцев сменить, но в бумагах порядок. Ирина въехала без детей, перекантовалась в общежитии около двенадцати месяцев и выехала одна. В собственные хоромы, приобретенные за наличные деньги, оформилась вместе с двухгодовалой Екатериной, чьей матерью является с тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Все. Если тебе что еще понадобится, звякни завтра. Ночью лучше спать, даже тем, чьи шкафы забиты скелетами.

Я никак не отреагировала на его слова, положила телефон в карман и мгновенно была атакована Катей, которая хотела узнать, что рассказал Собачкин. Я постаралась обойти острые углы.

– На месте дома, где ранее жила твоя мать, сейчас стоит гостиница. Судя по документам, Ирина являлась единственным ребенком в семье, никаких братьев, сестер не имела. За муж она никогда не выходила. Лучше тебе сейчас лечь спать, утро вечера мудренее.

– А вы уйдете домой? – с плохо скрытым страхом поинтересовалась Катя.

– Хочешь, поедem в Ложкино? – предложила я.

– Нет, – после паузы отказалась девочка, – если мама вернется и не найдет меня, то перепугается. Останусь в квартире, запрусь на замок, пододвину к двери комод. Еще можно на пол пустые спичечные коробки положить! Видела в одном телесериале. Героиня так от смерти спаслась. Насильник шаст в ее комнату, наступил на коробок, тот с треском лопнул...

– У вас есть раскладушка? – перебила я Катерину. – Не хочу в пробке стоять, с твоего позволения, останусь тут. Надеюсь, Ирина не рассердится на незваную гостью.

– Раскладушки нет, но вы можете лечь на кресло-кровать, – обрадовалась девочка, – подушку, одеяло и белье я дам. Пошли в мамину спальню.

В отличие от детской, набитой игрушками и новинками техники, комната матери выглядела аскетично. Ничего лишнего. Узкая софа, покрытая серо-коричневым пледом, стеной шкаф, тумбочка и кресло. На стенах не было картин, нигде никаких безделушек, книг, дисков, впрочем, телевизор и музыкальный центр тоже отсутствовали. В помещении только спали, не валялись на кровати с конфетами и журналом, не отдыхали, глядя любимое кино. Ничего лишнего. На прикроватном столике стояли самый простой будильник и круглое зеркало в вычурной, похоже, серебряной рамке. Оно настолько не гармонировало по стилистике с остальной обстановкой, что я бестактно без спроса взяла вещь и глянула в посеребренное стекло. Отражения не было. Зеркало ока-

залось испорчено, его покрывала паутина трещин и россыпь темных пятен.

– Ой, поставьте скорей его на место, – испугалась Катя, – не трогайте, нельзя ни в коем случае к нему прикасаться!

– Извини, – произнесла я и возвратила зеркальце на тумбочку. – Похоже, оно старинное.

– Мама один раз сказала, что в нем заключено чудовище, – поежилась Катерина, – она на него молилась, брала в руки и говорила какие-то странные слова.

– Кто, скажи мне, всех милее, всех румяней и белее? – пошутила я.

Но девочка серьезно ответила:

– Нет. «Сиди, не выходи, сиди, не гляди, сиди, не отвечай, про Нормандию не забывай». Я ее один раз в детстве спросила: «Мама, почему ты с зеркалом разговариваешь?» А она ответила: «Катя, никогда не трогай его даже пальцем, внутри живет чудовище по имени Андрюша из Нормандии!» Ну, я очень перепугалась! А мама перестала перед сном с зеркалом разговаривать, оно у нее просто на тумбочке стоит. Года два назад я у нее возьми да спроси: «Мамочка, зачем ты мне про монстра Андрюшу рассказывала? Я из-за него в твою комнату заходить боялась».

Ира посмотрела на дочь.

– Ты о чем?

Катерина ей напомнила, старшая Соловьева почему-то за-нервничала.

– Катюша, зеркальце – единственная память о моих родителях. Я не хотела, чтобы ты его разбила, вот и напугала тебя. Сейчас ты взрослая и понимаешь, что никаких Андриюш в нем нет.

– Но ты каждый вечер произносила: «Сиди, не выходи, сиди, не гляди, сиди, не отвечай», – напомнила дочь, – и еще что-то там про Нормандию.

– Тебе послышалось, – отрезала мать, – никогда не трогай мое зеркало. Оно очень мне дорого, это подарок на память о сказке, которую я больше всего любила. Про Андриюшу из Франции.

– Может, мама произнесла имя Андрэ? – спросила я. – Не Андриюша?

– Точно! – подпрыгнула Катя. – Откуда вы знаете?

– Из сборника «Старинные сказки Нормандии», – ответила я. – Когда я училась в институте, курс французской литературы у нас вела супружеская пара, Мария Николаевна и Александр Иванович. Имена у них были русские, зато фамилия вполне парижская – Дюма. Как чету французов занесло в Москву, я понятия не имею. На студенческий взгляд, педагоги были просто мумии, выглядели очень дряхлыми, но обладали светлым умом и рассказывали на лекциях и семинарах удивительные истории. У меня создалось впечатление, что преподаватели заходили в гости к Ги де Мопассану, Вольтеру, Буало и прочим светочам французской литературы. Мария Николаевна вела факультатив по сказкам. Одно

предание про Андрэ, во Франции это и мужское, и женское имя, произвело на меня очень сильное впечатление. Андрэ была веселой девушкой, не любимой родителями. История умалчивает, по какой причине отец и мать терпеть не могли дочь, но они заставляли ее с утра до ночи работать по дому, превратили в прислугу, никогда не брали ее на балы. Единственный, кто жалел ребенка, – это бабушка, но она не могла защитить Андрэ от жестокой матери и равнодушного отца. Однажды к Андрэ посватался хороший юноша, но родители отказали жениху, не желая лишаться бесплатной служанки. «Предки» парня тоже были против невестки, его мать заколдовала Андрэ, подселила в ее душу демона жестокости. Бабушка девушки уже умерла, некому было ее удержать, злые чары восторжествовали. Андрэ убила своих родителей, сожгла дом, ушла в лес и стала разбойницей, она грабила людей, отнимала у них деньги и одежду до тех пор, пока к ней не явился призрак старушки. Бабушка подарила Андрэ зеркало и сказала ей:

– Завтра ты станешь другой, хорошей, доброй. Злая Андрэ заточена в этом стекле. Смотришь в него каждое утро: пока не увидишь своего изображения, все будет хорошо. Но если в зеркале отразится твое лицо, значит, чудовище вырвалось на свободу. Тогда берегись.

Утром Андрэ проснулась, глянула в зеркальце и ужаснулась всему, что наделала. Она стала усердно молиться, ушла от разбойников, вышла замуж за бедного человека с десятью

детьми, воспитала их и жила до глубокой старости в спокойствии и счастье. Зеркало оставалось тусклым и темным, но один раз, спустя много-много лет, Андрэ вдруг увидела отражение лица.

– И опять стала бандиткой? – воскликнула Катя.

– Нет, – улыбнулась я, – она продолжала вести праведный образ жизни, стала примером для остальных женщин.

– Нестыковочка, – хмыкнула Катерина, – бабушка-волшебница о другом говорила.

– Верно, – согласилась я, – ты точно углядела кульминационный момент. Призрак старушки сказал: «Если ты увидишь свое лицо». А что узрела Андрэ спустя десятилетия?

– Собственное отражение, – пожалала плечами Катя.

– Нет, – возразила я, – на Андрэ глянула старуха. Девушка изменилась со временем, она не узнала себя, подумала, что из зеркала смотрит ее бабушка. Меня легенда потрясла. Я написала по сказкам Нормандии диплом и поняла, что народные легенды вовсе не «Золушка» и не «Кот в сапогах».

– Глупая история, – фыркнула Катерина, открывая шкаф, – потускневшее зеркало само собой не превратится в новое. И почему она себя не узнала? Утром небось шла в ванную чистить зубы, умывалась, а что висит над раковиной?

Я засмеялась:

– Катюша, преданию не одна сотня лет. Зеркала тогда были очень дорогим и редким удовольствием, его могли себе позволить лишь короли или богатые люди. Андрэ никогда не

видела своего изображения. Ей негде было его увидеть.

– Все равно идиотская байка, – не смутилась Катя. – Убила родителей, отнимала у людей деньги, а потом раскаялась и жила счастливо. Это несправедливо, Андрэ следовало наказать. И чем она маме понравилась? Я впервые эту историю слышу! Держите.

Я взяла протянутые Катей плед и подушку. Хороший вопрос. От кого Ирина узнала старинную нормандскую легенду, которая не является широко известной?

Разложив кресло, я позвонила Лике и предупредила:

– Сегодня я не приеду ночевать. Ты помнишь, как кормить Афины и Фолодю?

– Из коробок достать сухари, – отрапортовала Анжелика.

– Молодец, – похвалила я ее, – не забудь отмерить нужное количество корма специальным стаканчиком. Пожалуйста, будь аккуратна.

Потом я уюстилась на жесткой подушке и неожиданно быстро заснула.

Утром меня разбудила Катя, я села и не сразу поняла, где нахожусь, потом спросила:

– Который час?

– Полседьмого, – ответила девочка, – мне в школу пора.

Я зевнула.

– Очень рано ты встаешь.

– Уроки начинаются в восемь, на дорогу уходит сорок минут, – деловито перечислила Катя, – еще надо умыть-

ся, одеться, сумку сложить, кофе попить. Вы можете спать, только придется остаться в квартире до моего возвращения. Связка ключей одна, дверь не захлопывается. Раньше у нас был замок, который защелкивался, но я понесла помойку и...

– Понятно, – сказала я, – сама многократно вызывала слесаря, стоя на лестничной клетке. Я уйду с тобой, не беспокойся, соберусь в мгновение ока. Мама не пришла?

– Нет, – выпалила Катя, – видите же, ее комната пустая. Что теперь делать? Маму украл маньяк! О них постоянно по телевизору говорят. Надо идти в милицию, да?

Я встала с кресла-кровати. Нет тела – нет дела. Пока не найден труп, никто из ментов суетиться не станет. Заявление о пропаже человека примут лишь спустя трое суток после того, как он не явился домой. Милиционеры услышат, что Ирине сорок пять, и начнут отбиваться:

– Они осталась ночевать у любовника, выпила лишнего, сейчас дрыхнет. Не гоните волну.

Если сказать, что, по словам дочери, у Соловьевой нет кавалеров и она не пьет, они ответят:

– Баба скрывает мужика от ребенка. Никогда не наливалась водкой, а вчера изменила своим принципам.

– Так что делать? – воскликнула Катя.

Я потеряла глаза.

– Ступай, приводи себя в порядок, отвезу тебя в школу.

– Мама пропала, – прошептала Катерина, – ее убили. По

телеку это часто показывают.

Я обняла Катю.

– Давай не впадать в панику. Единственное, что мы знаем точно: Ирина не ночевала в своей постели. Но это не означает, что ее лишили жизни. Она могла попасть под машину, свалиться в метро с сердечным приступом и получить сотрясение мозга. У дурных вестей быстрые ноги. Когда найдено тело, родственникам сразу звонят. Дуй в ванную, дай мне окончательно проснуться и сообразить, как действовать.

Катя помчалась в коридор, я посмотрела ей вслед. Нехорошо врать ребенку, но и правду сказать нельзя. Не рассказывать же девочке о неопознанных изуродованных трупах, которые хранятся в спецхолодильниках, а по истечении установленного законом срока исчезают с лица земли. А еще бывает, что человек исчезает бесследно. Ушел в магазин за хлебом и не вернулся. Но Ирина поехала к отцу Кати, и это дает надежду. Если отыскать мужчину, вероятно, он расскажет, где находится его прежняя любовница.

Я быстро оделась и пошла на кухню. А может, не стоит считать Иру «прежней любовницей»? Если вспомнить поездки на курорт, обучение Кати в Лондоне, одежду девочки, обстановку ее комнаты, компьютер, то становится понятно: мать во многом лгала ребенку. Но в ее словах правда все-таки была. Отец Екатерины заботился о незаконнорожденной дочери, вполне вероятно, что он продолжает поддерживать интимные отношения с Ириной, а та успешно скрывает эту

связь от девочки.

Я подошла к окну и уставилась на улицу. Мало найдется на свете людей, которые могут годами хранить тайну. Как правило, есть подружка, мама, сестра, соседка, кто-то еще владеет секретом. Значит, буду действовать по стандартной схеме. Сначала попрошу Кузю проверить больницы, морги и отделения милиции. Вдруг Ирину задержали за какое-нибудь правонарушение, например, она вспомнила буйную молодость и сперла у кого-то кошелек? Пока компаньон Собачкина будет просеивать в поисках жемчуга песок, я сметаюсь к Ариадне Олеговне Соловьевой, вероятно, мать в курсе дел дочери. Судя по тому, что два раза бывшую зэчку прописывали в родительской квартире, мать любит свое непутевое чадо. И надеюсь, что старушка, услышав про оставшуюся без присмотра внучку, заберет ее к себе, несмотря на то что тринадцать лет о девочке не вспоминала.

Глава 9

Благополучно доставив Катю в школьный двор, я хотела уехать, но девочка сказала:

– Уроки сегодня закончатся в четыре. Нам не разрешают пользоваться мобильными ни на занятиях, ни на переменах.

– Жесткое правило. Неужели вы подчиняетесь? – улыбнулась я.

Катя пожала плечами.

– Гимназия платная, есть система штрафов. Пришел без формы – плати, опоздал на урок – плати, поймали с мобильной – плати. Каждому учащемуся предоставляется личный шкафчик, телефон надо поставить в режим «без звука» и оставить на полке. Поскольку за мое непослушание придется расплачиваться маме, ведь сама я не зарабатываю, то я подчиняюсь, даже надеваю сменку. Пожалуйста, позвоните мне, если что-то узнаете.

– Хорошо, сразу после четырех наберу твой номер, – пообещала я.

Катя вынула из кармана айфон.

– Сейчас скажу вам номер Сони, это моя лучшая подруга, ей можно эсэмэснуть «Катя, набери», и я тут же перезвоню.

– Ты же говорила, что сотовыми пользоваться запрещено, наложат штраф, – напомнила я.

– Соне плевать, – легкомысленно отмахнулась Катерина, –

ее отец основной наш спонсор, Никитиной ничего не делают, перед ней даже директор стелется. И Сонька не наглеет. Да, не оставляет мобилу в шкафу, носит в кармане, но по вибрации эсэмэски чувствует и из сортира потом с кем надо связывается. Зачем других дразнить?

– Ладно, буду держать тебя в курсе дел, – кивнула я.

– В шестнадцать десять можно на мой звонить, – напомнила Катя.

– Не беспокойся, – сказала я, – тетя Даша понятливая.

Дом, где проживала Ариадна Олеговна, выглядел обветшалым. В советские времена район за метро «Белорусская» считался суперэлитным. Здесь стояли сталинской постройки дома, в подъездах сидели лифтерши. Милые старушки спрашивали у гостей: «К кому идете?» Удивительное явление! Сразу становилось понятно: вы попали в другую реальность, туда, где никто не использует лифт в качестве туалета, а лестницу как гостиную для приятелей или курилку. Но сейчас от былого величия семиэтажки осталась лишь дубовая, сильно обшарпанная дверь со здоровенной латунной ручкой. С фасада частично облетела штукатурка, а когда я, с трудом распахнув створку, вошла в гулкий просторный холл, выложенный красно-белой плиткой со щербинами, в нос ударил запах переваренных щей и кошачьей мочи. Лифт походил на ажурную клетку, которая скользит внутри шахты, огороженной решетками. Настоящий антиквариат. Увы, как многие старые механизмы, он оказался сломан. На двери висело

объявление «Не работает».

Я вздохнула и зашагала вверх по широким ступеням. Стоит ли упоминать, что Соловьева живет на седьмом этаже? Я давно подметила закономерность: если подъемник забарахлил, мне непременно понадобится забраться под самую крышу. А вот если в здании есть два лифта, мне нужно в квартиру в подвале. Спускаюсь в узкий коридорчик – там непременно не будет света. Налечу на переполненное помоями ведро, поскользнусь и упаду носом в остатки селедки.

Сопя от напряжения, я добралась до квартиры, позвонила и услышала:

– Кто там?

На прямой вопрос я дала прямой ответ:

– Даша Васильева.

В замке заворочался ключ, я увидела женщину, которой с натяжкой можно было дать пятьдесят лет.

– Вы племянница Олеси из двенадцатой? – спросила хозяйка.

– Нет, – ответила я, – будьте любезны, позовите Ариадну Олеговну.

– Я перед вами, – кокетливо произнесла дама.

– Потрясающе выглядите, – ляпнула я.

– Здоровое питание, занятия спортом, ежедневные обливания холодной водой и позитивный настрой, – улыбнулась Ариадна Олеговна, – и надо работать, ходить на службу, иначе обленишься, и тебе конец. Если вы не родственница Оле-

си, то тогда из ДЭЗа? По поводу лифта? Полнейшее безобразие! Мэрия велела поменять во всех старых домах...

– Простите, – перебила я вдову авиаконструктора, – я от Кати.

Хозяйка посторонилась.

– Входите, обувь можно не снимать, московская причуда заставляя людей вместо туфель натягивать чужие засаленные тапки кажется мне отвратительной. Она свидетельствует о лени хозяйки, которой не хочется лишний раз взять швабру. Сюда, пожалуйста, прошу вас в гостиную. О какой Кате идет речь? У меня несколько знакомых с таким именем, впрочем, клиентов тоже.

Я замаялась, не зная, как начать сложный разговор. Ариадна Олеговна пришла мне на помощь:

– Значит, меня вам порекомендовала Катя. Хорошо. Квартира новая? Или вы намерены переоборудовать старое жилье? Сразу предупреждаю, необходимо взять разрешение на перепланировку.

– Речь не о ремонте, – прервала я Ариадну, – Катя ваша внучка.

– Моя кто? – поразилась Соловьева.

– Дочь Ирины. Понимаю, она причинила вам много страданий, – зачастила я, – но Катя ни в чем не провинилась. Похоже, с Иррой стряслась беда.

Хозяйка сгорбилась и разом постарела.

– С Иррой всегда происходили неприятности. Вы из ми-

лиции? Хотя, думаю, нет, не похожи. Впрочем, времена меняются. Когда я последний раз общалась со следователем, это была плохо покрашенная блондинка, пахнувшая потом. Помнится, она мне сказала:

– Чего рыдаете, мамаша? Истерите, как потерпевшая. Ваша дочь отброс общества, гнить ей на помойке. Вы воспитали преступницу. Поздновато сопли со слезами мешать, раньше следовало волосы на себе рвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.